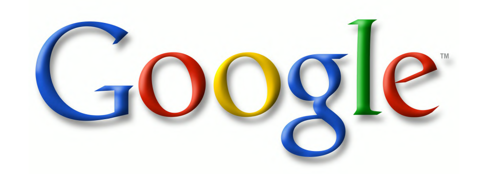

Google

ГОМЕЛЬСКОЕ ДѢЛО

РѢЧЬ

А. С. Шмакова.

Безплатное приложенiе
къ № 10 газеты „Русское Дѣло".

ГОМЕЛЬСКОЕ ДѢЛО

РѢЧЬ

А. С. Шмакова.

Безплатное приложенiе
къ газетѣ „Русское Дѣло“ № 10.

МОСКВА.
Т-ВО ТИПО-ЛИТОГРАФIИ И. М. МАШИСТОВА. БОЛЬШАЯ САДОВАЯ, СОБ. ДОМЪ.
1905.

КІЕВСКАЯ СУДЕБНАЯ ПАЛАТА

СЪ УЧАСТІЕМЪ СОСЛОВНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ.

Сессія въ Гомелѣ съ 11 октября 1904 г. по 26 января 1905 г.

ДѢЛО

о безпорядкахъ, происходившихъ въ Гомелѣ 29 августа и 1 сентября 1903 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Такъ называемый „*Кишиневскій погромъ*"—въ судебномъ отношеніи представляетъ *трилогію*, гдѣ, впрочемъ, нѣсколько нарушена очередь частей, каковыми являются: а) событія въ Кишиневѣ 6 и 7 апрѣля 1903 г., б) покушеніе на убійство Крушевана 5 іюня 1903 г. въ С.-Петербургѣ и в) гомельскія событія 29 августа и 1 сентября того-же года. Первое и *третье* дѣла разрѣшены Одесскою и Кіевскою Судебными Палатами—съ участіемъ сословныхъ представителей—въ сессіи съ 6 ноября по 7 декабря 1903 г. и съ 11 октября 1904 по 26 января 1905 г., а второе дѣло было разсмотрѣно С.-Петербургскимъ Окружнымъ Судомъ—съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей—25 августа 1903 г. Слѣдовательно, по очереди слушанія, названныя дѣла шли такъ: *второе, первое, третье*. Всѣ они имѣютъ связь не только вслѣдствіе того, что относятся къ одному и тому-же *еврейскому* вопросу, но и въ виду факта, что на этой связи весьма упорно, хотя бездоказательно и непослѣдовательно, настаиваютъ сами Евреи.

I. Обвинявшійся и нынѣ осужденный (на пять лѣтъ въ арестантскія роты) за покушеніе на предумышленное убійство П. А. Крушевана, именно какъ редактора-издателя газетъ „Бессарабецъ" и „Знамя", Пинхусъ Срулевъ Дашевскій утверждалъ, что вознамѣрился лишить Крушевана жизни въ наказаніе за подстрекательство на „Кишиневскій погромъ"—со всѣми его ужасами. Такое утвержденіе было несправедливо уже потому, что, вопреки всѣмъ усиліямъ еврейства, судебная власть не нашла основаній къ преданію Крушевана суду. Съ другой стороны, приговоромъ Одесской Судебной Палаты отъ 6 ноября—7 декабря 1904 г. установлены такія данныя о презрительномъ и

преступномъ отношеніи Евреевъ къ мѣстному населенію; о плутняхъ и мошенничествахъ всякаго рода; о злостныхъ подвохахъ и козняхъ, практикуемыхъ Евреями; о предательскомъ спаиваніи ими народа, якобы „изъ собственныхъ садовъ"; о безпощадной эксплуатаціи еврействомъ земледѣлія и всѣхъ видовъ труда; о захватѣ Евреями торговли, промышленности, ремеслъ, имущества и вообще средствъ пропитанія у порабощеннаго ими, неопытнаго и простодушнаго христіанскаго населенія—что въ какомъ-либо „подстрекательствѣ" надобности не усматривается. А что касается „ужасовъ" (истязанія живыхъ Евреевъ и поруганія мертвыхъ), то все неистовство еврейской и еврействующей прессы обоихъ полушарій по этому поводу оказалось лживымъ, ибо, какъ видно изъ приговора Палаты, въ дѣйствительности,—ничего подобнаго *не было*, — ни одного случая не могли указать даже еврейскіе врачи. Агитація-же, сюда направленная, носила, безъ сомнѣнія, *политическій* характеръ. Съ одной стороны, она была разсчитана на компромиссъ съ Евреями въ Россіи—чрезъ предоставленіе имъ „равноправія", а съ другой стороны, на радость и веселіе биржи, клонилась къ увеличенію нашихъ дипломатическихъ затрудненій—среди атмосферы, уже и безъ того грозной. Настанетъ день, и мы поймемъ, наконецъ, глубину пророческихъ словъ M-me Adam, въ ея журналѣ „Revue Bleu", — раньше слушанія кишиневскаго процесса въ Одесской Судебной Палатѣ. Петиція, поданная американскими Евреями государственному секретарю по иностраннымъ дѣламъ Гею, говоритъ M-me Adam, *„расцвѣла на Маньчжурской почвѣ"*...

Такимъ образомъ, и въ убійствѣ Крушевана преслѣдовалась, разумѣется, *политическая* цѣль — уничтожить, въ его лицѣ, два повременныхъ органа печати, еврейству враждебные. Если Евреи не терпѣли представленія на сценѣ *„Контрабандистовъ"*, то какъ-же могли они примириться съ дѣятельностью Крушевана? Завладѣвъ большею частью газетъ повсюду, еврейство достаточно сильно, чтобы „согнуть въ дугу" любаго супостата— хотя-бы черезъ Пинхуса Срулева Дашевскаго, а сей послѣдній уже постарается украсить себя ореоломъ мученика и отъ насъ-же станетъ требовать рукоплесканій!..

II. Въ доброе старое время—Евреи, какъ и нынѣ, обвиняли въ погромахъ все и вся, только не самихъ себя. Но была и разница. Совершая поджоги сосѣднихъ владѣній и сжигая, такимъ образомъ, свое, хорошо застрахованное имущество, Евреи изъ погромовъ извлекали еще ту выгоду, что блистательно и повально банкротились, да еще собирали и требовали себѣ пособій, намекая, между прочимъ, и на соціалистовъ, какъ подстрекателей, одинаково вредныхъ для всѣхъ состоятельныхъ классовъ общества. Теперь, ченно изъ еврейской среды, ведется отчаянная соціалистическая агитація, ъ что, напримѣръ, въ Кишиневѣ и Гомелѣ народъ обзываетъ еврейскую одежь не иначе, какъ *демократами* (въ смыслѣ—соціалъ-демократовъ). этомъ случаѣ Евреи какъ-бы сами стараются иллюстрировать афоризмъ:

„Wenn die Christen mit einander raufen, machen die Juden die Musik dazu“. Но они забываютъ, повидимому, другое, не менѣе глубокое изрѣченіе: *кто сѣетъ вѣтеръ, тотъ пожинаетъ бурю*!.. Въ Кишиневѣ еврейство своею агитаціею разсчитывало создать затрудненіе властямъ, и само, увы, стало жертвою народнаго гнѣва.

Затѣмъ, не мѣшаетъ припомнить, что тамъ-же, на Пасхѣ 1903 г.,— *раньше возникновенія погрома*, вооруженныя еврейскія скопища, а также отдѣльные Евреи нападали на Христіанъ; глумились надъ обычаемъ Вербной субботы, камнями разбивали иконы въ магазинахъ, выбивали просфору изъ рукъ и топтали ее ногами; обливали сѣрною кислотою шедшихъ въ церковь, даже дѣтей, а во время погрома стрѣляли, отнюдь не стѣсняясь, даже съ балконовъ, въ праздничныя массы народныя, погрому чуждыя; обстрѣливали вооруженные отряды пѣхоты и кавалеріи; револьверными пулями встрѣчали разъѣзды мѣстнаго драгунскаго полка подъ командою офицеровъ (корнета Желтановскаго и поручика Каталджи); ранили и *убивали* Христіанъ холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ (каковаго у погромщиковъ вовсе не было, вслѣдствіе чего и соотвѣтственныхъ ранъ ни у кого изъ Евреевъ не оказалось); наконецъ, совершали убійства, даже когда погромъ закончился!..

Около 60 Христіанъ было ранено и нѣсколько человѣкъ убито, тѣмъ не менѣе *ни одинъ Еврей* не былъ привлеченъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго. Наоборотъ, болѣе 800 Христіанъ оказались въ началѣ подъ стражею, при чемъ относительно большинства неизвѣстно было, гдѣ, за что и кто арестовалъ. Долго ждали они рѣшенія своей участи, и много горя увидѣли ихъ семьи. Между тѣмъ, тогда какъ Евреи собрали по всему міру („даже Китайцы въ Нью-Іоркѣ жертвовали“, похвастался одинъ изъ членовъ „Комитета“) свыше милліона рублей, организовали бюро изъ „лучшихъ“ адвокатовъ и расписывали „судебныя“ партитуры по всѣмъ правиламъ талмудическаго генералъ-баса, Христіане, затравленные и тиранизированные Евреями, не успѣли собрать и 3000 р., какъ дальнѣйшій сборъ имъ уже былъ запрещенъ, а изъ адвокатовъ никто почти не пришелъ къ нимъ на помощь. Страшась быть запутанными еврействомъ въ дѣло, свидѣтели-Христіане не рѣшались идти на судъ, даже когда могли показать правду. Напротивъ, скрывавшіеся во время погрома „свидѣтели-очевидцы“, поголовно Евреи, цѣлыми партіями являлись изобличать кого требовалось по „генералъ-басу“, а если жертва успѣвала доказать свою невиновность, нападали, ничто-же сумняся, на другаго, третьяго и т. д. Послѣ удаленія нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ отъ службы и предъявленія Евреями исковъ къ нѣсколькимъ инымъ, все, вмѣстѣ взятое, привело къ тому, что христіанское населеніе въ Кишиневѣ было объято ужасомъ. Никто не считалъ себя въ безопасности отъ обвиненія за погромъ—съ каторгою въ перспективѣ...

Тогда, независимо отъ своей главной мишени—П. А. Крушевана, еврейство избрало важнѣйшею цѣлью своихъ мѣропріятій трехъ мѣстныхъ

видныхъ и состоятельныхъ Христіанъ—Пронина, Степанова и Синадино. Они собирали деньги на пропитаніе семьямъ арестованныхъ, они брали этихъ послѣднихъ на поруки, они дерзнули, наконецъ, въ особенности—Пронинъ, писать прошенія и вообще не давать ужъ совсѣмъ въ обиду тѣхъ, кого преслѣдуютъ Евреи. За такія дѣла всѣ трое должны были подвергнуться примѣрной карѣ.

И вотъ, мы видимъ, что сперва у Пронина сожгли незастрахованный домъ, а затѣмъ шестнадцать выдающихся адвокатовъ, Евреевъ и не-Евреевъ, съ разныхъ концовъ Россіи явились на судѣ представителями гражданскихъ истцовъ-Евреевъ; изъ тринадцати-же защитниковъ—*десять* объявили себя солидарными съ упомянутыми *шестнадцатью* въ такой постановкѣ вопроса, когда оказалось-бы, что погромъ былъ „заказанъ" высшимъ начальствомъ и вызванъ подстрекательствомъ Крушевана въ газетѣ „Бессарабецъ"; что для этого мѣстныя власти придумали стянуть полицейскія и военныя силы къ одному мѣсту, яко-бы противъ политической демонстраціи—въ сущности-же для того, чтобы лишить Евреевъ всякой помощи, и что, въ заключеніе, Пронинъ, Степановъ и Синадино, особенно первые двое, разыграли безпримѣрныя злодѣянія погрома какъ по нотамъ.

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что среди подсудимыхъ было не мало людей, крайне не развитыхъ, а потому не сознавшихъ своей роли орудій *„еврейскаго либерализма"*, или же сельскихъ Молдаванъ, мало и даже совсѣмъ *не понимавшихъ по-русски* (таковы, напримѣръ: Иванъ Морозюкъ, Василій Коцофанъ, Муша Юсуфъ, Ѳедоръ Шкрабъ, Кириллъ Гирчіу, Иванъ Пламадьяло, Харитонъ Унку-Каланча, Иванъ Ботнарь, Василій Теодоръ, Василій Шарбанъ, Василій Распоча, Иванъ Жигайло и др.) При такой постановкѣ всѣ усилія двадцати шести адвокатовъ, главнымъ-же образомъ первыхъ шестнадцати, направились къ тому, чтобы, пріостановивъ засѣданіе, возвратить дѣло къ дослѣдованію, т.-е. *для привлеченія Крушевана, Пронина, Степанова и Синадино*, а если удастся, то и еще кое-кого на скамью подсудимыхъ, откуда они, при благосклонномъ участіи еврейскихъ свидѣтелей, уйдутъ не иначе, какъ въ каторжныя работы, имущество-же ихъ (до милліона рублей) поступитъ на „удовлетвореніе пострадавшихъ Евреевъ", которымъ мало перваго милліона, уже собраннаго,—дабы и другіе, на то смотря, „такого сквернаго и богомерзкаго дѣла не дѣлали"!..

Невозможно, въ краткихъ словахъ, разсказать, сколько, для достиженія указанной цѣли, было затрачено дерзновенія, лицемѣрія и искусства. „Благородное негодованіе" Евреевъ и ихъ слугъ доходило до „истиннаго вдохновенія".

Увы, все напрасно. Нападать на беззащитныхъ имъ, въ концѣ-концовъ, не позволили, а о дѣйствіяхъ власти разсуждать не дали тѣмъ паче.

Все, подготовленное съ такимъ чудеснымъ замысломъ, разлетѣлось въ прахъ.

Оказалось, напримѣръ, что при 120 верстъ улицъ въ Кишиневѣ полиція, располагавшая лишь 170 городовыми, ничего подѣлать не могла противъ населенія, самими-же Евреями доведеннаго до отчаянія. Стрѣлять въ женщинъ и дѣтей, за которыми иной разъ скрывались погромщики, войско также не имѣло возможности, а требовались иныя мѣры, которыя дѣйствительно и были приняты съ 1 часу дня 7 апрѣля, такъ что къ 5 часамъ погромъ уже почти прекратился. Если-бы Евреи не стрѣляли изъ револьверовъ даже въ командующихъ офицеровъ и не обливали сѣрною кислотою даже солдатъ въ строю, погромъ, безъ сомнѣнія, не дошелъ-бы до тѣхъ предѣловъ, какихъ онъ достигнулъ здѣсь впервые.

Убѣдившись, наконецъ, что ихъ поняли, союзныя силы адвокатуры обвиненій и адвокатуры защиты оставили залъ засѣданія, пропѣвъ, однако, свою лебединую пѣснь... Дѣло-же пошло и закончилось своимъ нормальнымъ путемъ. Въ приговорѣ о 40 подсудимыхъ отъ 6 ноября—7 декабря 1903 г. подстрекательство и предварительный уговоръ отвергнуты, всѣ гражданскіе иски оставлены безъ удовлетворенія, значительная часть подсудимыхъ оправдана, а остальные приговорены къ наказанію сравнительно милостиво.

III. Въ Гомелѣ Евреи *уже обучались стрѣльбѣ изъ револьвера* и, вѣроятно,—дѣйствію кистенемъ, равно какъ финскимъ ножомъ, *заранѣе*. Въ главной синагогѣ у нихъ былъ, такъ сказать, арсеналъ, а складъ оружія въ магазинѣ Мнухина составлялъ резервъ, который они даже пытались „мобилизировать“, но неудачно. Политическіе и биржевые успѣхи еврейства ослѣпили ихъ въ такой мѣрѣ, что, кинувшись въ революціонную агитацію, они черезъ погромъ Русскихъ разсчитывали, повидимому, создать крайнюю необходимость компромисса съ собою, т.-е. достигнуть „равноправія“. Если судить по количеству и злостности прокламацій, о чемъ проговаривались на судѣ многіе свидѣтели — въ Гомелѣ, какъ и въ Кишиневѣ, то у Евреевъ можно предположить разсчетъ, хотя, какъ оказалось, глубоко ошибочный, и на *союзное* съ ними движеніе рабочихъ классовъ. Подготовившись, еврейство 29 августа безъ достаточной причины, но и безъ всякаго для себя риска, кинулось избивать подгороднихъ крестьянъ. Произошли ужасающія картины еврейской злобы и мести. — *„Это вамъ не Кишиневъ!..“* кричали свирѣпыя и вооруженныя шайки Евреевъ, угрожая смертью всякому *„гою“*.. Испугавшись, однако, возмездія рабочихъ, „старѣйшины многострадальной синагоги“ стали просить полицеймейстера Раевскаго принять мѣры. Оказалось, впрочемъ, что никакого погрома Евреевъ не предполагается. Тѣмъ не менѣе, Раевскій мѣры принялъ, но столь неудачно, что погромъ, хотя и незначительный, все-таки произошелъ 1 сентября,—при чемъ народъ кричалъ Раевскому: „ты жидовскій батько, ты насъ продалъ, демократовъ развелъ!“, а Раевскій просилъ командующихъ офицеровъ отвѣчать залпами, но если и получалъ возможность убивать своихъ обидчиковъ, то не всякій разъ.

Въ засѣданіи Судебной Палаты адвокатура Евреевъ, обвиняемыхъ и

гражданскихъ истцовъ, объявила себя вполнѣ солидарною и, какъ въ Кишиневѣ, неоднократно пыталась вернуть дѣло къ дослѣдованію; при неуспѣшности-же такого стремленія, обвиняла отсутствующихъ и беззащитныхъ, а всѣхъ вообще Христіанъ, заявлявшихъ Палатѣ о перенесенныхъ ими отъ Евреевъ побояхъ, обозвала *погромщиками*—безъ всякаго къ тому основанія; возмущалась, когда ей, равнымъ образомъ, не было дозволено настигать обвиняемыхъ Христіанъ „новыми“ обстоятельствами или чрезъ внезапный допросъ свидѣтелей, отнюдь не для этого вызванныхъ; несправедливо пыталась упрекать свидѣтелей обвиненія въ „поученіи“ другихъ свидѣтелей,—въ своемъ-же собственномъ матеріалѣ какъ-бы и не замѣчала дерзкой неправды.

Наконецъ, вызвавъ исключительный по количеству рядъ опредѣленій Палаты и прійдя къ выводу о безплодности дальнѣйшей борьбы, названная адвокатура удалилась—съ протестомъ о нарушеніи своихъ правъ, когда сама-же могла надѣяться единственно на *невозможное*, а именно на заочное, ad majorem Judaeorum gloriam, осужденіе Палатою властей и частныхъ лицъ, суду не преданныхъ, совершенно беззащитныхъ и никого изъ коноводовъ мѣстнаго Еврейства не затронувшихъ.

Само собою разумѣется, что и въ Гомелѣ, какъ въ Кишиневѣ, Евреи даже 29 августа, по ихъ словамъ, только „защищались“ противъ возможности того, что было содѣяно въ Кишиневѣ. Все, говорятъ они, сводилось къ „простой базарной дракѣ“...

Для оцѣнки этого утвержденія необходимо обратиться къ рѣчи А. С. Шмакова. Теперь-же, на основаніи той-же рѣчи, нельзя не указать на слѣдующее. Сами Евреи заявляли предъ Судебною Палатою, что крестьяне къ нимъ не питаютъ вражды, а лишь мѣстные интеллигенція и чиновники относятся къ еврейству недоброжелательно, въ особенности, послѣ Кишиневскаго погрома. Главарь-же гомельскаго еврейства докторъ Залкиндъ показалъ, наоборотъ, что причина гомельскихъ безпорядковъ лежитъ вовсе не въ озлобленіи противъ Евреевъ мѣстнаго населенія вообще, и что, сами Евреи хорошо знаютъ эту причину....

Такая политическая инсинуація, безъ сомнѣнія, возвращаетъ насъ къ тѣмъ кишиневскимъ варіантамъ на пресловутое письмо въ Times'ѣ о „заказѣ“ погрома, которые, въ свое время разнесены были сынами Израиля, въ немалый намъ ущербъ, по всему міру.

Съ другой стороны, противорѣчіе въ еврейскихъ объясненіяхъ причины гомельскихъ событій достаточно указываетъ на отсутствіе искренности въ заявленіяхъ Евреевъ — даже на судѣ и, вмѣстѣ съ симъ, удостовѣряетъ, какъ мало заботятся Евреи хотя-бы о внѣшней послѣдовательности своихъ важнѣйшихъ увѣреній даже въ роковую минуту ожиданія приговора.

Тѣмъ не менѣе, сами-же Евреи не переставали увѣрять какъ въ залѣ засѣданія, такъ и въ своей прессѣ, что нѣтъ у нихъ другой задачи, кромѣ раскрытія истины, но что, къ своему великому горю, они встрѣчаютъ неодолимыя препятствія—именно на этомъ пути.

Если для оцѣнки такой неправды недостаточно всего изложеннаго, то недостающее покрывается съ избыткомъ тѣмъ образомъ дѣйствій, который былъ усвоенъ еврействомъ и еврейскими представителями на судебномъ слѣдствіи. Не говоря о томъ, что многіе Евреи стали обвинителями Христіанъ, какъ гражданскіе истцы, сама защита Евреевъ-подсудимыхъ, обозвавъ пострадавшихъ 29 августа Христіанъ *погромщиками*, показала себя суровѣйшимъ изъ обвинителей, которому все и вся обязано давать отчетъ. Протоколы засѣданія Судебной Палаты и обширный рядъ ея постановленій свидѣтельствуютъ, что, при этихъ условіяхъ, происходило, въ дѣйствительности какою широтою свободы обвиненіе и защита на сторонѣ Евреевъ пользовались и какого труда Особому Присутствію стоило воспрепятствовать лишь, напримѣръ, преслѣдованію отсутствующихъ и обвиненію беззащитныхъ или-же неотступнымъ попыткамъ возвратить такое дѣло къ дослѣдованію по „новымъ“ обстоятельствамъ, созидаемымъ еврейскими свидѣтелями, но никакого значенія не имѣющимъ.

Всего Евреевъ на скамьѣ подсудимыхъ за 29 августа и 1 сентября 1903 г. было 36 (Іосель Хайкинъ, Шмерка Капланъ, Ицка Генкинъ, Янкель Слезингеръ, Хана Кацъ, Сроель-Ицка Левицкій, Шоломъ Соськинъ, Мендель Полсманъ, Айзикъ Перлинъ, Садія Крендель, Лейба Пейсинъ, Мовша Добкинъ и др.).

За участіе-же въ безпорядкахъ 1 сентября 1903 г.,—вызванныхъ, съ одной стороны, нападеніями, стрѣльбою и убійствами, которыя учинялись скопищами вооруженныхъ Евреевъ, а съ другой стороны, крайними и притѣснительными мѣрами полицеймейстера Раевскаго, котораго, гдѣ бы онъ ни появлялся, народъ встрѣчалъ одинаково: *„А, жидовскій батько, ты насъ продалъ жидамъ!“*...—было привлечено Христіанъ 44 человѣка. Они вызвали въ свою защиту около *50* свидѣтелей.

Обвиняемые-же Евреи вызвали въ одиннадцать разъ больше—а именно свыше *550*. У Евреевъ и ихъ представителей имѣлись сверхъ того цѣлые томы копій слѣдственнаго производства. У обвиняемыхъ-же Христіанъ *не оказалось ни одной копіи* (имъ никто не указалъ на ст. 475 Уст. Угол. Суд.)

Такъ было и въ Гомелѣ, и въ Кишиневѣ. Наконецъ, за уклоненіемъ кіевской присяжной адвокатуры, защита всѣхъ 44 Христіанъ была сначала поручена Судебною Палатою *одному* кандидату на судебныя должности.

Противъ цѣлой плеяды еврейскихъ представителей этого было, очевидно, мало. Тогда рѣшилъ отправиться въ Гомель А. С. Шмаковъ, а къ нему присоединились присяжные повѣренные Бринкенъ, Погожевъ и Васильевъ, равно какъ и помощникъ прис. пов. Романенко изъ Кишинева.

А. С. Шмаковъ участвовалъ во всѣхъ трехъ названныхъ выше процессахъ на сторонѣ Христіанъ.

Полный текстъ его рѣчи въ Гомелѣ прилагается.

Гг. Судьи!

Гг. Сословные представители!

Приступая, въ свою очередь, къ изслѣдованію событій, разыгравшихся 29 августа и 1 сентября 1903 г. въ Гомелѣ, я не могу не замѣтить прежде всего, что, независимо отъ безпримѣрной обширности и многосложности слѣдственнаго матеріала (около 1100 свидѣтелей), равно какъ чрезвычайныхъ трудовъ, понесенныхъ Особымъ Присутствіемъ Судебной Палаты въ теченіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ, настоящее дѣло и по его собственнымъ обстоятельствамъ, и по тѣмъ исключительнымъ условіямъ, которыя развивались на пути его слушанія, принадлежитъ къ наиболѣе важнымъ судебнымъ процессамъ, когда-либо производившимся не только у насъ, а и въ Европѣ.

Уже одно это показываетъ, какъ велика задача изслѣдователя.

Что-же касается, въ частности, исполненія своего долга мною, то тяжесть его усиливается завершеніемъ моею рѣчью очередей защиты. Другими словами, избѣгая повтореній, я не имѣю возможности исчерпывать проблему, давать цѣльные образы и полныя картины. Поставленный въ необходимость лишь дополнять сказанное другими, я вынужденъ ограничиваться смягченіемъ пробѣловъ, ими оставленныхъ. Впрочемъ, одна сторона вопроса—его историческіе элементы, поскольку они здѣсь умѣстны, разумѣется, въ самой сжатой формѣ, какъ матеріалъ, еще не затронутый моими товарищами, открываетъ и для меня извѣстную долю самостоятельности.

Указавъ на изложенное—въ извиненіе нѣкоторой отрывочности повѣствованія—я исполню предъ Особымъ Присутствіемъ свою обязанность по мѣрѣ своихъ силъ. Однако, раньше, чѣмъ обратиться къ существу дѣла, я повиненъ предпослать четыре замѣчанія.

А. Предварительныя замѣчанія.

I. Почти всѣ повѣренные гражданскихъ истцовъ и защитники подсудимыхъ-Евреевъ *отсутствуютъ*. Демонстративно удалились они еще 21 декабря прошлаго года, взывая о своихъ, яко-бы нарушенныхъ правахъ,—отчаянная-же и ядовитая реклама, сдѣланная этому инциденту, конечно и главнымъ образомъ, еврейскою-же прессою, явилась глубокою неблагодар-

ностью, какъ за беззавѣтный трудъ Особаго Присутствія во имя истины, такъ и за снисходительность, которою „подвижники"-демонстранты столь долго пользовались, но которой не сумѣли оцѣнить. Съ своей стороны, я, въ дальнѣйшемъ, постараюсь выяснить, что сенсаціонное удаленіе еврейскихъ представителей отнюдь не обусловливалось интересами правосудія и не требовалось достоинствомъ адвокатуры. Въ данный-же моментъ я выражаю сожалѣніе, что своимъ уходомъ противники лишили меня отличнаго случая вступить съ ними въ рѣшительную борьбу и заявляю, что не вижу причины сообразоваться съ ихъ отсутствіемъ, такъ какъ считаю себя въ правѣ его игнорировать.

II. Крайнимъ, во-истину обиднымъ для насъ ущербомъ и, наоборотъ, неизмѣримымъ для Евреевъ преимуществомъ, особенно въ дѣлахъ такого рода, какъ настоящее, оказывается фактъ, что и до сихъ поръ нѣтъ автоританаго, напримѣръ, академическаго перевода на русскій языкъ (да и ни на какой изъ европейскихъ языковъ)—Талмуда, въ его обязательной по всему еврейству вавилонской редакціи, или хотя-бы важнѣйшей онаго части—„Гемары", равно какъ нѣтъ такого-же перевода еврейскаго, такъ сказать, катехизиса—„Шулханъ-аруха" (есть лишь почти дословный переводъ на нѣмецкій языкъ: *„Schulchan Aruch"*, oder die vier judische Gesetzbücher,—von Dr. Joseph Deckert, Pfarer.—Wien, 1896).

Ни Талмудъ, ни его конспектъ—Шулханъ-арухъ не суть книги исключительно религіозныя. Напротивъ, это обширная энциклопедія еврейскаго народа, между прочимъ, обнимающая его гражданское, уголовное и государственное право. Не надо забывать также, что если нѣкоторые иные народы обращали свою политику въ орудіе своей религіи, то Евреи неизмѣнно разсматривали свою религію, какъ орудіе своей политики. Не иначе какъ обладая этимъ, своего рода рентгеновскимъ аппаратомъ, каковъ Талмудъ или Шулханъ-арухъ, возможно постигать замыслы, цѣли и движенія еврейскаго духа и, только примѣняя этотъ аппаратъ, мыслимо снять маску съ многихъ, именующихъ себя палладинами, добродѣтели. Совершенное-же незнакомство наше съ означеннымъ аппаратомъ есть лучшее для Евреевъ средство глумиться надъ не-Евреями во-очію и въ то же время достигать своихъ цѣлей невозбранно.—А вѣдь сыны Израиля „любятъ колоть сахаръ на чужой головѣ".

III. Предоставляя европейскимъ народамъ завоевать или иначе устроить и обезпечить самостоятельность новаго государства Евреевъ въ Палестинѣ, сіонисты дѣйствуютъ въ разныхъ концахъ Европы, а въ частности, какъ удостовѣрилъ докторъ Залкиндъ *),—составляютъ большинство средн еврейской молодежи въ Гомелѣ. Фактъ, что ни для какой иной изъ народностей, населяющихъ Россію, ничто подобное не могло-бы получить разрѣшенія,

*) Ссылка на Залкинда была ошибочна, но это не измѣняетъ дѣла, такъ какъ то-же самое, положительно, засвидѣтельствовалъ бывшій полицеймейстеръ г. Гомеля—Раевскій.

очевиденъ и только лишній разъ указываетъ на исключительность положенія Евреевъ, равно какъ на безусловную необходимость, хотя-бы отчасти, освободить отъ нихъ страну. Тѣмъ не менѣе, фактъ настолько поучителенъ, что не можетъ быть обойденъ молчаніемъ въ такомъ процессѣ, какъ нынѣшній.

Стремясь къ „равноправію“ во Франціи и тринадцать разъ получивъ отказъ Національнаго Собранія, тамошніе Евреи хотя, наконецъ, и достигли своего 28 сентября 1791 года, но лишь черезъ подкупъ вожаковъ Собранія (между прочимъ, аббата Грегуара и Мирабо), а съ другой стороны—путемъ клятвенныхъ увѣреній въ томъ, что они хотятъ быть и непремѣнно станутъ добрыми Французами. Увы, это не замедлило оказаться ложью уже при Наполеонѣ I, когда на созванномъ имъ „Санхедринѣ“ (Синедріонѣ) былъ поставленъ вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ. Дальше пошло еще хуже. Евреи объявили себя „Французами Моисеева закона“, потомъ—„космополитами“ и „всечеловѣками“, а въ заключеніе, на сіонистскихъ конгрессахъ, заявили категорически, что они, какъ Евреи, не могутъ утратить этого исключительнаго достоинства никогда и ни при какихъ условіяхъ, а потому желаютъ быть *Евреями* и *только Евреями* и, согласно съ этимъ, не только жаждутъ политической независимости, но и требуютъ себѣ ее.

Если-же съ изложеннымъ мы сопоставимъ мѣропріятія еврейства, въ наши дни направляемыя къ увѣнчанію зданія его невиданныхъ доселѣ успѣховъ на международномъ поприщѣ пріобрѣтеніемъ важнѣйшаго, а именно „равноправія“ въ нашемъ отечествѣ, гдѣ проживаетъ больше Евреевъ, чѣмъ на всемъ остальномъ пространствѣ земнаго шара, то станутъ понятными, даже единственныя по дерзновенію, усилія Евреевъ пріурочить самые „безпорядки“ въ Кишиневѣ и Гомелѣ къ отсутствію „равноправія“, ихъ будто-бы дискредитирующему, а засимъ раскроется, внѣ сомнѣній, и *политическій* для Евреевъ характеръ разсматриваемаго нынѣ процесса. Сія-же послѣдняя особенность требуетъ чрезвычайной осторожности въ оцѣнкѣ еврейскихъ показаній. Если, по закону, уже въ обыденныхъ случаяхъ признается необходимою спеціальная формула присяги, обязывающая Еврея свидѣтельствовать не по иному—скрытому въ немъ смыслу, а по смыслу и вѣдѣнію власти, снимающей допросъ, то уже вполнѣ очевидно, насколько можетъ оказаться недостаточною еврейская присяга въ защиту правосудія отъ клятвопреступленія политическаго. Являясь результатомъ благоразумія вообще, осторожность этого рода пріобрѣтаетъ особую силу въ виду затронутаго здѣсь специфическаго, еврейскаго патріотизма, теперь особенно болѣзненнаго.

IV. Расцвѣтъ этого патріотизма, между прочимъ, выразился по дѣлу и въ томъ, что главные и вообще наиболѣе виновные на сторонѣ Евреевъ остались не обнаруженными, а сейчасъ, если-бы и возможно было назвать нѣкоторыхъ, то они все-же остались-бы не привлеченными по недоказанности вины, раскрыть которую уже нѣтъ надежды. Не разысканъ даже ни одинъ изъ убійцъ Христіанъ—Сивкова, Ковалевскаго, Головнева, Козлова

и др., какъ на ряду съ Евреями, „оркестрировавшими“ дѣло для суда, остались неизвѣстными Евреи, организовавшіе обученіе еврейской молодежи стрѣльбѣ изъ револьверовъ, а также распоряжавшіеся нападеніемъ еврейскаго скопища на оружейный магазинъ Мнухина или же превратившіе главную гомельскую синагогу въ арсеналъ оружія для снабженія имъ не только этого, но и другихъ скопищъ „безправнаго“ еврейства.

Однако, подобно тому, какъ самовольное удаленіе повѣренныхъ Евреевъ—гражданскихъ истцовъ и защитниковъ подсудимыхъ-Евреевъ не способно было остановить ходъ правосудія или поколебать результаты трехмѣсячнаго судебнаго слѣдствія, такъ и неполнота личнаго состава подсудимыхъ не можетъ, разумѣется, устранить ни всей глубины значенія, ни чрезвычайной важности условій процесса. Стало-быть, въ означенной сферѣ, работа по освѣщенію событій 29 августа и 1 сентября 1903 г. должна сохранять всю свою энергію, потому что лишь такимъ путемъ опредѣляется истинный характеръ настоящаго, весьма серьезнаго дѣла.

Переходя отъ упомянутыхъ замѣчаній къ существу проблемы, надлежитъ принять во вниманіе слѣдующее:

Б. По обстоятельствамъ дѣла.

а) Матеріальныя данныя.

Соединенныя усилія повѣренныхъ Евреевъ—гражданскихъ истцовъ и защитниковъ Евреевъ были въ теченіе трехъ слишкомъ мѣсяцевъ всевозможными средствами направляемы къ тому, чтобы извратить событія 29 августа 1903 г. въ „простую драку“ и даже въ „самооборону“ еврейскаго населенія Гомеля, а событіямъ 1 сентября придать смыслъ „погрома“ свирѣпыми и невѣжественными толпами Христіанъ ни въ чемъ неповиннаго,—культурнаго еврейства......

Для достиженія такой цѣли, ничто не служило препятствіемъ и не давалось пощады никому. Всѣ, безъ изъятія, пострадавшіе Христіане именовались погромщиками, скрывшимися отъ преслѣдованія и только впослѣдствіи разысканными полиціей подъ видомъ потерпѣвшихъ; объявивъ себя вполнѣ солидарными, защита Евреевъ и представители ихъ гражданскихъ исковъ домогались разрѣшенія и на единство дѣйствій, а именно на союзный розыскъ, путемъ судебнаго слѣдствія, остальныхъ Христіанъ-„погромщиковъ“ въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ—если вѣрить названнымъ союзникамъ. Свидѣтели, вызванные подсудимыми-Евреями, къ которымъ ни одного иска не предъявлено, разсматривались однако повѣренными гражданскихъ истцовъ, какъ подлежащіе допросу, съ ихъ стороны, противъ обвиняемыхъ-Христіанъ. На ряду съ изложеннымъ, оказываясь ничего не знающими о томъ, для чего вызваны, помянутые свидѣтели внезапно допрашивались тѣми-же еврейскими представителями къ обвиненію Христіанъ по совершенно инымъ, даже по *новымъ* обстоятельствамъ. Вмѣстѣ съ этимъ и допросъ свидѣтелей-Христіанъ производился незаконно, нерѣдко—до изне-

моженія свидѣтеля, при чемъ каждая неточность или обмолвка обращались свидѣтелю въ вину. Наконецъ,—не одинъ разъ нарушались самыя распоряженія г. Предсѣдателя и опредѣленія Особаго Присутствія Палаты, направляемыя къ пресѣченію такого беззаконія.

Тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ сомнительной перемѣны нѣкоторыхъ показаній—въ пользу Евреевъ, данныя и выводы обвинительнаго акта на судебномъ слѣдствіи подтвердились всецѣло. И, наоборотъ, лишенными всякаго основанія явились увѣренія еврейскихъ представителей, будто гомельское еврейство стремилось единственно къ огражденію себя отъ повторенія ужасовъ, содѣянныхъ въ Кишеневѣ надъ тамошними Евреями, безъ сомнѣнія, ни въ чемъ неповинными...

Въ опровержение этой версіи служатъ:

а) Отсутствіе причинъ для повторенія кишиневскихъ событій именно въ Гомелѣ. Наоборотъ, при наличности здѣсь 65.000 Евреевъ противъ 30.000 Христіанъ, опасаться возмездія могли только *Христіане,* а не Евреи.

б) Ложно, еврейскою прессою и нашими иностранными врагами, — главнымъ образомъ въ политическихъ цѣляхъ, раздутыя, большею-же частью измышленныя, а вообще недобросовѣстно освѣщенныя событія въ Кишиневѣ не могли, очевидно, возникнуть безъ всякаго повода со стороны самихъ Евреевъ. Если же, по законамъ психологіи толпы, они разгорались со стихійною силою, то, разумѣется, не въ средѣ однихъ Христіанъ.

в) Вопреки еврейскимъ разсказамъ, свидѣтель Ермоленко предъ Особымъ Присутствіемъ Судебной Палаты заявилъ категорически, что въ Кишиневѣ *отъ Евреевъ жестоко пострадали Христіане,* а такъ какъ кишиневскій погромъ не былъ предметомъ судебнаго разслѣдованія въ Гомелѣ, то и нѣтъ законнаго основанія принимать на вѣру лишь пристрастныя увѣренія Евреевъ.

г) Впрочемъ, независимо отъ всего прочаго, для устраненія рѣчи о Кишиневѣ, у насъ есть слѣдующій, рѣшающій фактъ.—Самъ докторъ Залкиндъ, глава гомельскихъ Евреевъ (какъ удостовѣрилъ исправникъ Еленскій), объяснилъ, что кишиневскій погромъ произошелъ не вслѣдствіе озлобленія тамошняго населенія и что *Евреи въ Гомелѣ хорошо знали, почему былъ въ Кишиневѣ погромъ.*

д) Этого мало.—Нельзя не имѣть въ виду, что если-бы дѣло въ Кишиневѣ обстояло дѣйствительно такъ, какъ говорятъ Евреи, то они, конечно, представили-бы приговоръ Особаго Присутствія Одесской Судебной Палаты, объявленный по закону (Уст. Уг. Суд. ст. 624) публично. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что—именно при совершенной правотѣ еврейскихъ сказаній—кишиневскій погромъ отнюдь не могъ бы явиться поводомъ къ новому нападенію на тѣхъ-же Евреевъ въ Гомелѣ.

е) Опасаясь нареканій въ томъ, что если даже признать, будто въ Гомелѣ былъ погромъ еврейскій, а не наоборотъ, то и тогда это не обошлось, конечно, безъ вины Евреевъ, равно какъ пользуясь тѣмъ, что малограмот-

ные и угнетаемые еврейскою тираннiею крестьяне не умѣли объяснить предъ Палатою все, чтó они испытываютъ отъ Евреевъ, — мѣстное еврейство, на судебномъ слѣдствiи, положительно отрицало непрiязнь къ нему низшихъ классовъ христiанскаго населенiя, а если упрекало въ антипатiи, да и то развѣ со времени погрома въ Кишиневѣ, то исключительно *интеллигенцiю* и *чиновниковъ*. Опытное въ фехтованiи на судебной аренѣ еврейство, такимъ образомъ, разсчитывало заранѣе нейтрализовать проистекающiя изъ этой сферы показанiя. Но, если даже повѣрить такому новому еврейскому измышленiю, то всякая связь между гомельскими и кишиневскими событiями вновь разрывается, ибо названныхъ непрiятелей своихъ сами-же Евреи изъемлютъ изъ числа погромщиковъ; наконецъ,

ж) Тогда какъ въ средѣ христiанскаго населенiя не замѣчалось никакихъ указанiй на предумышленность,—евреи *подготовлялись систематически:* близъ Гомеля, на Мельничномъ лугу, обучались стрѣльбѣ изъ револьверовъ; устраивали склады оружiя—даже въ главной синагогѣ; заготовляли финскiе ножи и однообразные, скрываемые въ рукавахъ, пружинные кистени; собирались, не спрашивая зачѣмъ и куда, и дѣйствовали по командѣ (между прочимъ, и свистками); нападали толпами на одинокихъ, убивали беззащитныхъ и стрѣляли не только въ частныхъ лицъ, а и въ чиновъ полицiи—29 августа; 1-го-же сентября Евреи стрѣляли и въ войско.

Все это установлено многими свидѣтелями съ такою очевидностью, что я не считаю себя въ правѣ утруждать вниманiе Особаго Присутствiя поименованiемъ ихъ вновь.

Для полноты убѣжденiя я напомню лишь одинъ ужасный эпизодъ:

Когда, среди всеобщей паники и поголовнаго бѣгства избиваемыхъ еврейскими скопищами подгороднихъ крестьянъ, напрасно искавшихъ спасенiя—кто на пожарномъ дворѣ, а кто на усадьбѣ князя Паскевича (Евреи и здѣсь бомбардировали камнями, а затѣмъ врывались, угрожая смертью даже безпомощнымъ старикамъ, женщинамъ и дѣтямъ), одинъ бѣдняга-парень, въ лаптяхъ и съ котомкою за плечами, не успѣлъ скрыться, тогда его настигла толпа озвѣрѣлыхъ Евреевъ, разными способами вооруженныхъ. Началось, какъ и въ другихъ случаяхъ, избiенiе палками по головѣ. Спасая жизнь, несчастный, съ воплями—„ратуйте, ратуйте, кто въ Бога вiрує!“, бѣжитъ подъ ударами стремглавъ и прикрываетъ свою окровавленную голову уже размозженными пальцами. Вотъ, однако, и для него блеснулъ лучъ надежды: въ 10--15 шагахъ—двое городовыхъ (Дуничъ и Ковалевъ). Но Евреи, прежде всего, разсчитываютъ на безнаказанность,—слѣдовательно, жертвы нельзя выпустить живою. Поэтому изъ еврейской толпы выскакиваетъ Мендель Полсманъ и, что есть силы, кровельною латою (четырехгранный брусъ въ сажень длиною) наноситъ такой ударъ бѣдняку по головѣ, что лата разлетается въ куски, а жертва—съ раскроеннымъ черепомъ падаетъ, кровью своего мозга заливая мостовую. Въ этотъ моментъ,

Айзикъ Перлинъ и еще одинъ Еврей изъ толпы кидаются и начинаютъ добивать умирающаго (Перлинъ—ножкою отъ стола). Обнаживъ шашку и выхвативъ револьверъ, городовые отогнали Евреевъ, — главнымъ образомъ, угрозою Ковалева: „я васъ всѣхъ знаю!“

Знали-же городовые Евреевъ прекрасно (Ковалевъ уже три года служилъ на базарѣ), а потому, изъ опасенія быть убитымъ въ свою очередь, никто изъ нихъ не рѣшился остаться, пока другой приведетъ извозчика. Когда-же они вернулись съ извозчикомъ оба, то убитаго не оказалось.

„*Онъ убѣжалъ*!“—кричали скрывшіе его Евреи...

„Драка“ и „самооборона“ такими не бываютъ.

„Была не драка, а избіеніе Русскихъ“ (свид. Маккавейскій и др.).

„Шелъ *бунтъ* евреевъ“—поясняютъ свидѣтели Русаковъ и Вощилинъ.

Надменный, презрительный и вызывающій образъ дѣйствій еврейскихъ скопищъ,—даже предъ военными отрядами, не имѣлъ ничего общаго съ покорнымъ и добродушнымъ поведеніемъ собравшихся Христіанъ (многіе свидѣтели, въ томъ числѣ и сами офицеры, командовавшіе отрядами). Это замѣчалось не только 1 сентября, но и, въ особенности, 29 августа, когда, для спасенія избитыхъ Христіанъ отъ дальнѣйшихъ проявленій еврейской ярости, приходилось арестовывать самихъ-же потерпѣвшихъ, хотя въ участкахъ имъ не оказывали и медицинской помощи. Евреевъ-же 29 августа не было арестовано ни одного (кромѣ случайно задержанныхъ во дворѣ Шнеерова).

Чтó-же касается 1 сентября, то въ этотъ день, какъ и 29 августа, *зачинщиками* безпорядковъ были исключительно *Евреи* (свидѣтели: Раевскій, Славушевичъ, Чарнолусскій, Архаровъ и др.). Они къ этому всячески подготовлялись (ком. Абх. полка Сулимовъ, кап. Архаровъ и мн. др.), даже предсказывали время безпорядковъ и хвастались своими вооруженными силами (Носоводовъ, Цельсовъ, Шестаковскій, Никоновъ, Храмченко, Адамовъ). Во время-же самыхъ событій 1 сентября, Евреи кидали камнями, палками, чѣмъ попало и въ кого попало; тяжело ранили пристава Бржозовскаго (онъ самъ, а также свид. Демьяненковъ); держали себя нагло въ отношеніи населенія, чиновъ полиціи и войска; стрѣляли въ рабочихъ на глазахъ у вооруженныхъ отрядовъ пѣхоты, равно какъ въ полицейскихъ офицеровъ и городовыхъ, а также въ пѣхотныхъ офицеровъ и солдатъ, находившихся въ строю (свидѣтели: офицеры Абхазскаго полка—Архаровъ, Горсткинъ, Кельцевъ, Ушаковъ, Корниловъ, Трезвинскій; капитанъ Сергѣевъ слышалъ свистъ пуль надъ собственною головою; при немъ-же изъ 3 роты вывели окровавленнаго нижняго чина; далѣе, поручика Шприца Евреи обстрѣливали съ разныхъ сторонъ; мимо головы пролетѣли пули у свидѣтелей—городоваго Дудкина и ефрейтора Станкевича; очевидцами еврейской стрѣльбы изъ револьверовъ были также Славушкевичъ, Вольская, Грищукъ, Дзяковичъ, Шваръ, Колоколовъ и мн. др.).—*Евреи никогда не бывали въ меньшинствѣ* (кап. Трезвинскій).—Свидѣтели: Барановичъ, Са-

мойловъ, Маслюкова и Сердюковъ, въ свою очередь, удостовѣрили, что 1 сентября, отъ гимназіи на Сѣнную площадь, бѣжала толпа Евреевъ, человѣкъ въ 200, вооруженная камнями, палками и т. п.; впереди толпы находились съ револьверами въ рукахъ — по виду интеллигентные Евреи; вдругъ изъ толпы выскочилъ Гиршъ Финкельштейнъ, прицѣлился и выстрѣлилъ изъ револьвера въ проходившаго Русскаго, а затѣмъ скрылся въ домъ своего отца Беньки Финкельштейна. Даже еврей докторъ Залкиндъ не отрицаетъ, что слышалъ выстрѣлы со стороны еврейской синагоги, гдѣ, по удостовѣренію свидѣтелей Дунича и Короткевича, Евреи запасались оружіемъ. Своею стрѣльбою Евреи на Замковой улицѣ остановили отправлявшійся на вокзалъ этапъ,—какъ показали свидѣтели Гришанковъ и Федоровъ, и т. д.

Вообще-же говоря, Евреи къ 1 сентября были *заранѣе подготовлены* (свидѣтели—пом. прист. Чарнолусскій, полковникъ Сулимовъ, Ковалевъ, Самсоновъ и др.) и, видимо, *стремились нападать на Русскихъ* (свид.— Архаровъ, Леоновъ, Славушевичъ и др.), отъ чего въ одномъ мѣстѣ могли быть удержаны только залпомъ роты кап. Архарова (Архаровъ и др.).

Наоборотъ, среди христіанскаго населенія въ г. Гомелѣ никакой подготовки къ событіямъ не только 29 августа, но и 1 сентября 1903 г. не было, даже разговоровъ на эту тему не замѣчалось (свидѣтели:—завѣдывающіе желѣзнодорожными мастерскими Ляховъ и Котельниковъ; жандармскій ротмистръ Дудкинъ; командированный полицеймейстеромъ Раевскимъ нарочито для изслѣдованія сего пом. пристава Казанскій; пом. прист. Чарнолусскій; капитанъ Горсткинъ и друг.).

Отсюда справедливъ выводъ, что не будь нападенія Евреевъ на Русскихъ 29 августа, прошло-бы спокойно и 1 сентября.

Этотъ выводъ пріобрѣтаетъ силу очевидности, если припомнимъ, что на массы собирающихся Евреевъ полицеймейстеръ, даже 1 сентября, *не обращалъ никакого вниманія* (какъ удостовѣрилъ кап. Горсткинъ) и вообще— при ближайшемъ ознакомленіи съ мѣропріятіями г. Раевскаго, какъ это исполнено далѣе (см. послѣдній отдѣлъ рѣчи).

Напрасно, стало-быть, пытаются гомельскіе Евреи играть роль униженныхъ и оскорбленныхъ. Захвативъ, какъ говорятъ свидѣтели, торговлю, промышленность, дѣла и заработки и, сверхъ того, завладѣвъ капиталами,— мѣстное еврейство, по обычаю этого народа, стало злоупотреблять своимъ властнымъ положеніемъ. Не допуская мысли, что крестьянинъ можетъ стоять на одномъ съ нимъ уровнѣ, Еврей относится къ нему въ высшей степени грубо и пренебрежительно: „дуракъ!“ „свинья!“ „пошелъ вонъ!“ только и слышатся со стороны Еврея;—при малѣйшей-же попыткѣ крестьянина на защиту своего права, одинъ, а то и нѣсколько Евреевъ, изобьютъ его и выгонятъ. Надо ли прибавлять, что все это сопровождается обвѣсомъ, обмѣромъ, обсчетомъ и всяческими обманами?

Жаловаться крестьянину нельзя, такъ какъ у него нѣтъ доказательствъ, и, наоборотъ, всѣ „свидѣтели“, конечно Евреи, горой стоятъ за своего еди-

соплеменника. Между тѣмъ, сплошь и рядомъ, сами-же Евреи ведутъ несчастнаго мужика въ полицію и его же обвиняютъ...

Только зная эти условія, можно понять дерзновеніе Эльки Малицкой,—вопіющую обиду, нанесенную ею лѣснику Шалыкову. Получивъ деньги за селедки, она не только не отдала ихъ лѣснику, но осмѣлилась плюнуть ему въ лицо!.. Она же, вдобавокъ, ударила его дубовою клепкою по головѣ а, въ заключеніе, подняла крикъ. Мгновенно сбѣжались десятки Евреевъ и, въ свою очередь, стали избивать Шалыкова клепками по головѣ. Окровавленный и поруганный, Шалыковъ, со слезами, спрашивалъ за что его избили, и стыдилъ Русскихъ, что они допустили такое глумленіе Евреевъ (свидѣтели: Шудкина, Самсоновъ, Брысовъ, Ковалевъ, Будницкая, Шайковъ, Жаровъ, Веремѣевъ, Минаева и др.). На улицахъ, особенно въ шабашъ, прохода нѣтъ, слышимъ мы жалобы Христіанъ;—Евреи ведутъ себя дерзко и вызывающе, даже относительно высшихъ классовъ христіанскаго населенія, какъ-бы заранѣе увѣренные въ безнаказанности; зазнались до такой степени, что толкаютъ Христіанъ, мужчинъ и женщинъ, съ тротуаровъ въ грязь, а надъ офицерами издѣваются, выкрикивая „сыны Марса!“.. Мудрено ли, что, на ряду съ этимъ, рабочіе жаловались командиру 160 Абхазскаго полка, полковнику Сулимову: *„жиды считаютъ насъ не за людей, а за собакъ!“*..—Вообще-же Евреи въ Гомелѣ являются *угнетателями*, а Христіане *порабощенными* (кап. Корниловъ и поручикъ Шприцъ).

Объединенность и замкнутость еврейскихъ силъ, ихъ суровая дисциплина, равно какъ подготовленность и предумышленность ихъ нападенія на Христіанъ раскрываются, согласно съ изложеннымъ, на пути изслѣдованія во всѣхъ его развѣтвленіяхъ и послѣдствіяхъ.

Въ доказательство, укажемъ хотя бы еще на нѣсколько фактовъ. Ясно, что селедки Малицкой не представляли достаточнаго повода ни къ закрытію *всѣхъ* еврейскихъ лавокъ въ г. Гомелѣ, ни для „мобилизаціи“ еврейства, да еще по тревожнымъ сигналамъ свистками. Между тѣмъ, такъ именно поступили Евреи, собравшіеся толпами немедленно и обратившіеся къ избіенію Христіанъ—преимущественно подгородныхъ сельскихъ обывателей, пріѣхавшихъ съ утра на базаръ, а въ это время (около 4-хъ часовъ дня) уже разъѣзжавшихся по домамъ, разрозненныхъ, малочисленныхъ и безпомощныхъ. Избіеніе совершалось дико и безжалостно,—главнымъ образомъ, ударами по головѣ или же—ножемъ въ шею, какъ объяснено ниже, и сопровождалось криками Евреевъ: *„это вамъ не Кишиневъ!“*.. Знаменателенъ и самый моментъ нападенія—отсутствіе войска въ городѣ, такъ какъ расположенный въ Гомелѣ Абхазскій полкъ находился на маневрахъ. Наконецъ, еврейскія торжество и злорадство „побѣдѣ“ на слѣдующій день, 30 августа, когда Христіанъ оскорбляло еще больше наглости, чѣмъ обыкновенно въ еврейскомъ обиходѣ, а за симъ такіе крики Евреевъ, какъ „наша суббота поѣхала верхомъ на вашемъ воскресеньи“, — „мы Гомель купили, онъ нашъ!“ на ряду съ пѣсенкою: „время пришло—про Христіанъ, про со-

бакъ припасемъ мы дубинушку!“ завершаютъ тягостное впечатлѣніе этихъ событій.

Но всѣмъ сказаннымъ дѣло отнюдь не ограничивается. По удостовѣренію свидѣтеля купца Петроченко, уже съ самаго начала происшествія 29 августа, въ еврейской толпѣ, на базарѣ, оказался *раввинъ Маянцъ*. Ему Петроченко тогда-же сказалъ: „ты имѣешь духовный санъ и долженъ-бы увѣщевать толпу, а не участвовать въ безпорядкахъ“. Неподалеку, на базарѣ-же, Петроченко замѣтилъ и нѣсколько еврейскихъ врачей (Захаринъ, Брукъ, Залкиндъ и др.). Судя по показаніямъ этихъ лицъ, а также еврейскихъ-же врачей Александрова, Хейфица и иныхъ, они не только 29 августа, но и 1 сентября бывали, во время безпорядковъ, чуть ли не повсюду, а затѣмъ свидѣтельствовали предъ Особымъ Присутствіемъ Палаты по всѣмъ почти существеннымъ для Евреевъ обстоятельствамъ дѣла. Нѣкоторые изъ врачей, наприм., Залкиндъ, Александровъ и Захаринъ, давали свои показанія *неоднократно*, произнося въ защиту Евреевъ *цѣлыя рѣчи*. Въ частности, не надо забывать о Залкиндѣ, какъ главарѣ гомельскаго еврейства, забравшемъ въ свои руки все,—о чемъ положительно засвидѣтельствовалъ предъ Особымъ Присутствіемъ исправникъ Еленскій — мѣстный старожилъ.

Съ другой стороны, наравнѣ съ раввиномъ Маянцемъ, котораго мы также встрѣчаемъ въ разныхъ мѣстахъ и 29 августа, и 1 сентября, видимъ мы, среди безпорядковъ, какъ и слѣдовало ожидать, —мѣстныхъ *меламедовъ* (обучаютъ еврейскихъ дѣтей Талмуду или Шулханъ-аруху въ первоначальныхъ училищахъ — хедерахъ): Ицку Генкина (по удостовѣренію унт.-офиц. Кудрявцева и Демьянова, а также нѣкоторыхъ другихъ нижнихъ чиновъ роты капитана Архарова,—ушибъ камнемъ рядоваго Костерина), а также Хаима Книжникова и его зятя Глинника, который, по словамъ Книжникова, безстрашно воевалъ съ десятками громилъ, что, однако, не помѣшало ему, купно съ тестемъ, скрыться затѣмъ въ погребѣ.

Самое поведеніе еврейскихъ скопищъ, отказывавшихся повиноваться *даже военной силѣ* и вообще отличавшихся крайнимъ нахальствомъ, на ряду съ отбиваніемъ этими скопищами у властей даже такихъ Евреевъ, которые были задерживаемы на мѣстѣ преступленія ими съ поличнымъ, въ свою очередь убѣждаетъ въ томъ, что гомельское еврейство глубоко сознавало силу своей организаціи, а потому рѣшило не останавливаться въ достиженіи цѣли.

Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до разсматриваемыхъ событій, Евреи облили сѣрною кислотою городоваго, а затѣмъ напали на пом. прист. Чарнолусскаго и едва не задушили его. 29-же августа отъ лѣсника Шалыкова кинулись они на поручика Пенскаго (пережившаго ужасы и спасшаго свою жизнь только съ большимъ трудомъ)—единственно за его попытку арестовать убѣгавшаго Еврея, вслѣдъ которому неслись крики *„держи, убилъ!“*.. (свидѣтели Терехинъ, Щекуринъ, Рудзіевскій и др.). Страшны и возмутительны глумленія Евреевъ надъ Пенскимъ и гораздо позже—на самомъ су-

дебномъ слѣдствіи. Возможно ли, при этихъ данныхъ, удивляться отсутствію на скамьѣ подсудимыхъ хотя бы одного Еврея, обвиняемаго въ убійствѣ Христіанина. Убивались, вѣдь, хотя и на глазахъ у многихъ евреевъ,—одинокіе и беззащитные, даже нищіе, какъ Козловъ, съ твердымъ сознаніемъ убійцы, что ни одинъ Еврей—особенно въ этомъ мщеніи за Израиля—противъ своихъ единовѣрцевъ свидѣтельствовать не осмѣлится. Только случайное появленіе роты капитана Цельсова помѣшало, напримѣръ, еврейству вооружиться изъ магазина Мнухина и надѣлать еще гораздо больше бѣдъ. На сосѣднемъ-же дворѣ—Русакова была найдена масса оружія, которое, въ бѣгствѣ, побросали Евреи, какъ удостовѣрилъ свидѣтель, городовой Сенчукъ, но о чемъ не показалъ, конечно, ни одинъ Еврей, а ихъ прошло здѣсь нѣсколько сотъ.

Погромъ былъ ужасенъ, говорятъ они, и имъ пришлось всѣмъ прятаться и скрываться... Это не помѣшало, впрочемъ, даже одиночнымъ евреямъ стрѣлять изъ-за заборовъ, съ крышъ,—вообще изъ засады; стрѣляла въ унт.-оф. Дзяковича, убѣгая, даже Еврейка—Хана Кацъ и подстрекала других Евреевъ. Это не затруднило, далѣе, цѣлую массу Евреевъ стать на судѣ свидѣтелями-очевидцами. Вмѣстѣ съ симъ, свидѣтель Цихонъ, 1 сентября, по Могилевской улицѣ, видѣлъ толпу Евреевъ въ 1000 человѣкъ, изъ которой раздавались выстрѣлы; по удостовѣренію того-же свидѣтеля, въ его присутствіи, докторъ Залкиндъ, хотя и безплодно, но просилъ у совѣтника губернскаго правленія Маковскаго: „позвольте намъ защищаться!“..

Столь „невинная“ просьба была тѣмъ „безобиднѣе“, что, какъ удостовѣрилъ самъ Раевскій, Евреи уже 29 августа дѣйствовали по командѣ.

Въ заключеніе, фактъ, быть-можетъ, наиболѣе вразумительный и во всякомъ случаѣ глубоко характерный. Я говорю *объ ударахъ финскимъ ножомъ въ шею*, съ нѣкоторыхъ поръ вошедшихъ въ еврейскую практику.

Отдавъ не мало заботъ ничтожному шраму на лицѣ Ципы Цейтлинъ и даже побитымъ на базарѣ еврейскимъ арбузамъ, мои противники, представители Евреевъ, повидимому, не успѣли заняться этими „ударами“, а потому какъ бы забывали о нихъ. Но фактъ не таковъ, чтобы съ нимъ играть въ жмурки.

Не надо быть хирургомъ, дабы не сомнѣваться въ научномъ положеніи хирургіи, что ударъ ножомъ въ область сердца, пожалуй, менѣе опасенъ, чѣмъ ударъ въ шею, такъ какъ, во-первыхъ, надо знать, гдѣ именно лежитъ сердце, а во-вторыхъ, будучи прикрыто отчасти грудною клѣткою, отчасти же грудною доскою, а затѣмъ и двумя-тремя слоями платья, сердце защищено надежнѣе, чѣмъ открытая для удара шея. Независимо отъ сего, за исключеніемъ случаевъ рѣдкаго счастья, удары ножомъ въ шею, обыкновенно, *смертельны* и, вдобавокъ, сопровождаясь мгновеннымъ параличемъ конечностей или мозга, обѣщаютъ убійцѣ большую вѣроятность скрыться, пока жертва станетъ захлебываться въ своей-же собственной крови. Представляя собою сравнительно узкій цилиндръ, шея заключаетъ: пищеводъ,

дыхательное горло и позвоночный столбъ; уже одно наименованіе этихъ органовъ показываетъ степень важности ихъ пораненія; артеріи-же позвоночныя, подключичныя и сонныя довершаютъ картину опасности. Усвоивъ сказанное, мы поймемъ и значеніе слѣдующихъ данныхъ:

1. 5 іюня 1903 г., около 4 часовъ дня, въ С.-Петербургѣ, на Полицейскомъ мосту, съ цѣлью убить Крушевана, какъ редактора газетъ „Знамя“ и „Бессарабецъ“ и какъ „подстрекателя на Кишиневскій погромъ“, Пинхусъ Срулевъ Дашевскій нанесъ Крушевану финскимъ *ножомъ ударъ въ шею*, но попалъ въ толстый стоячій воротникъ сорочки, вслѣдствіе чего ножъ вошелъ наискось, подъ кожу, и рана оказалась не смертельною.

2. 29 августа 1903 г., въ Гомелѣ, у зарѣзаннаго Евреями Христіанина, лежавшаго близъ пожарной каланчи, *кровь изъ шеи била ключомъ* (свидѣтели Самсоновъ, Покука, Гончаровъ).

3. Того-же 29 августа, въ Гомелѣ-же, неподалеку отъ вооруженной еврейской толпы, изъ которой раздавались угрожающіе крики: „Мы отомстимъ! Это вамъ не Кишиневъ!“, случайно оказался Ѳедоръ Силковъ, посланный за покупками своимъ хозяиномъ. Силковъ стоялъ и ѣлъ булку. Вдругъ, пробѣгавшій мимо Еврей нанесъ Силкову сзади, ножомъ или кинжаломъ, *смертельный ударъ въ шею*,—послѣ чего скрылся въ толпѣ Евреевъ. Зажимая ладонью рану, изъ которой фонтаномъ била кровь, раненый Силковъ не успѣлъ сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ тутъ-же упалъ и вскорѣ скончался (свидѣтель-очевидецъ Коновальщиковъ и др.).

4. 1 сентября 1903 г., въ Гомелѣ, стараясь прикладомъ выбить револьверъ изъ рукъ стрѣлявшей въ него Ханы Кацъ, унтеръ-офицеръ Абхазскаго полка Дзяковичъ отъ неизвѣстнаго, предательски напавшаго на него, Еврея получилъ, къ счастью, только легкую *рану ножомъ въ шею* (Дзяковичъ и др.).

5. Того-же числа, тамъ же, изъ толпы Евреевъ, шедшей въ синагогу, какъ оказалось, для вооруженія, отдѣлились двое, и случившемуся невольнымъ свидѣтелемъ шествія, ночному сторожу Ковалевскому, одинъ изъ этихъ Евреевъ, Капланъ, нанесъ такой ударъ *ножомъ въ спину* (повидимому, промахнулся ударомъ въ шею), что Ковалевскій упалъ (Ковалевскій и Дуничъ).

6. Тогда-же, тамъ-же, на Рогачевской улицѣ, у дома *еврейскаго рѣзника* Когановича, близъ еврейскихъ-же кузницъ, въ мѣстности, гдѣ вовсе не было погрома и когда вообще погромъ уже прекратился, оказался еще одинъ *(штыремъ въ грудь)* убитый крестьянинъ Головневъ (штырь служитъ для убоя телятъ); *на глазахъ свидѣтеля Чайкова*, толпа Евреевъ, съ криками—„а, гой!“, напала на Головнева, хотя онъ шелъ тихо и никого не трогая, и убила его (свид. Чайковъ и Кулаговъ).

7. Тогда-же, на Фельдмаршальской улицѣ, около „Рва“, три Еврея напали на Русскаго и нанесли ему раны въ бокъ и *въ шею*, а когда онъ сталъ кричать, убѣжали (Осипенковъ, также свидѣтель-очевидецъ).

8. Того-же 1 сентября, придя съ Ирининской на Троицкую улицу, въ Гомелѣ, нищій Козловъ поравнялся съ какою-то еврейскою толпою, но едва лишь зашелъ въ нее, какъ вдругъ упалъ, сраженный *ударомъ ножа въ шею*, а затѣмъ умеръ (еще очевидецъ Новоселовъ, равно какъ свидѣтели: Сивицкій, Мурашко, Бѣлый, Макаровъ и др.).

Вполнѣ, такимъ образомъ, естественны крики 29 августа разбѣгавшихся въ ужасѣ крестьянъ: *„спасайтесь, жиды Русскихъ рѣжутъ!“*.

Совершенно понятно, далѣе, что когда, въ отвѣтъ на возгласъ по адресу полицеймейстера Раевскаго—„ты жидовскій батько, ты насъ продалъ!“ кап. Архаровъ пригрозилъ стрѣлять, тогда многіе изъ Христіанъ, разорвавъ рубашку и обнаживъ грудь, закричали: *„лучше умремъ отъ русскихъ штыковъ, чѣмъ отъ жидовскихъ ножей!“*.

Sunt lacrymae rerum et mentem mortalia tangunt!..

Не отсюда ли, наконецъ, появится ключъ и къ тайнѣ „новаго“ обстоятельства о „капляхъ“ или „слѣдахъ крови“, заявленнаго докторомъ Захаринымъ столь поздно и, сверхъ того,—впервые лишь предъ Особымъ Присутствіемъ.

Для уразумѣнія сказаннаго, необходимо принять во вниманіе слѣдующее:

а) въ засѣданіи Особаго Присутствія 12 ноября 1904 г.,—согласно съ тѣмъ, что онъ показывалъ на предварительномъ слѣдствіи, свидѣтель убійства Козлова, городовой Новоселовъ, удостовѣрилъ, что 1 сентября 1903 г. года, стоя на посту по Троицкой улицѣ, *онъ самъ видѣлъ*, какъ со стороны Ирининской улицы явился названный нищій и, поровнявшись съ еврейскою толпою, вошелъ въ нее, а затѣмъ вдругъ упалъ и вскорѣ умеръ *отъ раны въ шею*;

б) защитникъ одного изъ Евреевъ, прис. пов. Зарудный, тогда-же, заявилъ ходатайство о допросѣ еврейскихъ дѣвушекъ Дарьи и Ревекки Коробочкиныхъ, якобы обмывавшихъ раненаго и замѣтившихъ слѣды крови по направленію къ тому мѣсту, гдѣ Козловъ упалъ;

в) въ этотъ моментъ судебнаго слѣдствія никакого указанія врача Захарина на „слѣды“ не имѣлось;

г) признавая, что по дѣлу не обнаружено тѣхъ фактовъ, которые защитникъ относитъ къ Коробочкинымъ, и что заявленіе его, будто Козловъ упалъ не тамъ, гдѣ былъ смертельно раненъ, не вытекаетъ изъ данныхъ судебнаго слѣдствія, Особое Присутствіе *отклонило* просьбу г. Заруднаго;

д) дважды дававшій показанія судебному слѣдователю Еврей-врачъ Владиміръ Захаринъ ничего, однако, по поводу „слѣдовъ“ тогда не говорилъ,—какъ объясняетъ теперь, потому, что его не спрашивали; вновь допрошенный Присутствіемъ Палаты 18 декабря, т.-е. значительно позже утвержденій Новоселова, равно какъ инцидента съ Коробочкиными, Захаринъ, безъ всякаго вопроса по сему предмету тѣмъ не менѣе показалъ, что видѣлъ „капельные слѣды крови“ отъ того мѣста, гдѣ лежалъ Козловъ,

т.-е. на Троицкой улицѣ, у дома Стасенкова, черезъ три дома отъ усадьбы самаго свидѣтеля, до гостинницы „Grand Hôtel“,—на разстояніи 50 саженъ;

е) вслѣдъ за симъ, упомянутый защитникъ Зарудный, а также повѣренные гражданскихъ истцовъ Сліозбергъ и Винаверъ, обратились къ Особому Присутствію съ новою просьбою о допросѣ уже не однихъ Коробочкиныхъ, а и Стасенкова, при чемъ утверждали, что вопросъ о слѣдахъ имѣетъ прямое отношеніе къ гражданскимъ искамъ и можетъ оказать серьезное вліяніе на ихъ исходъ; и

ж) признавая, что, наоборотъ, вопросъ о слѣдахъ *никакого* отношенія къ гражданскимъ искамъ не имѣетъ и не проливаетъ *новаго* свѣта на дѣйствія тѣхъ двухъ скопищъ, участіе въ коихъ приписывается обвиняемымъ по дѣлу о безпорядкахъ 1 сентября 1903 г.,—Особое Присутствіе оставило *безъ послѣдствій* и это возобновленное ходатайство.

Но если неправота просьбы очевидна, то, на первый взглядъ, непонятно и упрямство, съ которымъ она возобновлялась.

Смыслъ этого раскрывается только при сопоставленіи съ иными домогательствами еврейскихъ представителей. Будучи явно несостоятельными и, однако, вызывая необходимость безпримѣрнаго количества частныхъ опредѣленій Особаго Присутствія, домогательства сіи лишь затрудняли ходъ правосудія и, какъ-бы подготовляя для нея почву, завершились демонстраціею 21 декабря.

Съ другой стороны несомнѣнно, что „ударъ въ шею“, если и не тамъ, гдѣ Козловъ упалъ, но былъ ему нанесенъ и ужъ, разумѣется, не *Христіаниномъ*. Наконецъ, если даже совсѣмъ устранить происшествіе съ Козловымъ, то и тогда по дѣлу останется достаточно „*ударовъ ножомъ въ шею*“, чтобы уже нельзя было объяснять ихъ простою случайностью. Такимъ образомъ, помянутые удары являются *предумышленными*,—а одного этого довольно, чтобы не колебаться въ резолютивномъ выводѣ о степени подготовленности и о предѣлахъ злонамѣренности еврейскихъ дѣяній 29 августа и 1 сентября 1903 г.

Настаивая-же на увѣреніяхъ о „дракѣ“ и „самооборонѣ“, представители Евреевъ не могли, повидимому, игнорировать *эпидемическаго* характера ударовъ въ шею, вслѣдствіе чего попытались ослабить его значеніе „слѣдами“, хотя и совершенно неудачно.

б) Матеріалъ процессуальный.

Опредѣливъ изложенное, слѣдуетъ, для полноты анализа, внимательнѣе остановиться на указанныхъ выше дѣйствіяхъ моихъ противниковъ, т.-е, представителей Евреевъ вообще.

Сюда, прежде всего, относится хотя-бы краткое изученіе того матеріала, которому наперекоръ мы видѣли, со стороны евреевъ, не признаніе своей вины или покорность предъ заслуженною отвѣтственностью, а, наобо-

ротъ, *суровыя и огульныя преслѣдованія всѣхъ и вся;* обвиненія даже лицъ, отсутствующихъ, а потому беззащитныхъ, на ряду съ такою гордынею, когда мѣстное населеніе, полиція, войско, судебныя учрежденія, самъ законъ, наконецъ, въ отношеніи „равноправія“,—словомъ, все окружающее, такъ или иначе становилось прикосновеннымъ къ „несчастіямъ“ избраннаго народа,—одни Евреи оказывались чистыми и правыми, мучениками за идею, чуть не страдальцами, достойными ореола...

Однако, разъ самая постановка вопроса въ такомъ видѣ нелѣпа, то и взятый для нея матеріалъ, безъ сомнѣнія, негоденъ.

Рядъ примѣровъ изъ судебнаго слѣдствія не замедлитъ убѣдить въ этомъ.

I. Въ засѣданіи Особаго Присутствія 15 октября, одинъ изъ защитниковъ Евреевъ, прис. пов. Мандельштамъ, заявилъ, что, будто-бы, случайно услышалъ, какъ въ свидѣтельской комнатѣ городовой давалъ присутствующимъ совѣты, о чемъ показывать на судѣ. Допрошенные по сему предмету свидѣтели Чекушовъ и Потылковъ *отвергли* заявленіе Мандельштама, а свидѣтель лѣсникъ Лозовскій удостовѣрилъ, что, городовой дѣйствительно уговаривалъ его и другихъ свидѣтелей показывать, будто не Евреи били Русскихъ, а, наоборотъ,—что *Русскіе во всемъ виноваты.*

II. По заявленію подсудимаго Богданова, Евреи, сидѣвшіе съ Русскими въ тюрьмѣ, научали его съ товарищами, если хотятъ быть оправданными,— обвинять Чернолусскаго и Петроченко.

III. Далѣе, въ Гомелѣ, на базарѣ, Еврейка (торгующая въ лавочкѣ и которую свидѣтель предлагалъ указать), узнавъ, что Курошко вызывается по этому дѣлу въ судъ, сказала: *„теперь свидѣтелю можно зарабатывать хорошія деньги!“*. За симъ двѣ другія свидѣтельницы передавали ему-же, Курошко, что подсудимый Мейлахъ Переплетчиковъ свидѣтелю, кажется, Мальцову (швейцару еврейской гостинницы „Grand Hôtel“, свидѣтельствовавшему о „дубликатѣ“ Мейлаха Переплетчикова), заплатилъ 50 р.—Свидѣтель-же Чижевскій разсказывалъ свидѣтелю Маккавейскому, а также свидѣтелямъ Русакову и Курошко, что Переплетчиковъ каждый день его водкой поитъ, но что онъ, Чижевскій, все-таки покажетъ на судѣ правду. Тотъ-же Чижевскій хвастался, что „бывшимъ во время погрома городовымъ теперь не житье, а масляница: идешь по улицѣ, а Евреи предлагаютъ водку и угощеніе“. Допрошенные Палатою Маккавейскій, Русаковъ и Курошко *все это подтвердили.*

IV. Вызванный по поводу шрама, нанесеннагоЦипѣ Цейтлинъ, Менделевъ, заявилъ несправедливо и безъ всякаго сюда отношенія, будто, читая въ свидѣтельской комнатѣ обвинительный актъ, Чернолусскій училъ, какъ показывать. Равнымъ образомъ, двухъ уважаемыхъ мѣстныхъ гражданъ и должностныхъ лицъ, Максимова и Мельникова, „Освобожденіе“ и „Бундъ“ оклеветали, какъ громилъ, при чемъ лживость извѣта вынуждены были, на судебномъ слѣдствіи, признать сами-же подсудимые Евреи.

V. Подававшій Ципѣ Цейтлинъ медицинскую помощь и вызванный въ судъ по этому обстоятельству Еврей - врачъ Александровъ произнесъ, однако, цѣлую рѣчь за Евреевъ; далѣе, на пути слѣдствія, давалъ показанія неоднократно о дѣлѣ вообще, а въ частности разсказалъ, будто, по случаю утраты какого-то ридикюля, въ гомельской женской гимназіи заподозрѣны и обыскиваемы были однѣ ученицы-Еврейки. Несообразность такого показанія *разоблачена* учителемъ гимназіи Максимовымъ, положительно удостовѣрявшимъ, что такого случая не было.

VI. Директоръ мѣстнаго общества взаимнаго кредита Самуилъ Логуновъ (Еврей) показалъ, что и его ударили деревяннымъ брускомъ по головѣ. Между тѣмъ, на немъ не оказалось никакихъ слѣдовъ насилія, а такъ какъ ударъ брускомъ неизбѣжно долженъ оставить рубцы, то гомельскій уѣздный врачъ выразилъ сомнѣніе *въ самомъ фактѣ удара.*

VII. Въ опроверженіе показаній Захарина и Маянца, три свидѣтеля Карлъ и Рихардъ Безоне и Отто Зейделе заявили, что, при убійствѣ Кевеша, упомянутыхъ двухъ лицъ *на балконѣ дома Захарина не было.* Тотъ-же раввинъ Маянцъ отрицалъ, что меламедъ Ицка Генкинъ скрылся у него, а между тѣмъ мы знаемъ, что Генкинъ былъ разысканъ именно въ квартирѣ Маянца.

VIII. Вопреки утвержденію Залкинда, исправникъ Еленскій положительно удостовѣрилъ, что у строившагося тогда зданія Орловскаго Банка его, Залкинда, не было. Оспаривая показаніе Еленскаго, Залкиндъ объяснилъ, что считалъ небезопаснымъ отъ громилъ находиться тамъ, гдѣ были и другіе люди, въ томъ числѣ исправникъ, а потому стоялъ поодоль— *одинъ*!...

IX. Въ явное противорѣчіе съ собственнымъ показаніемъ у судебнаго слѣдователя и съ показаніями городоваго Ковалева на предварительномъ слѣдствіи и на судѣ, равно, какъ вопреки несомнѣннымъ обстоятельствамъ дѣла и простѣйшему вѣроятію, городовой Дуничъ, предъ Особымъ Присутствіемъ, тѣмъ не менѣе разсказывалъ будто, уже во время содержанія въ тюрьмѣ Полсмана и Перлина (убившихъ парня 29 августа), онъ, Дуничъ, въ Гомелѣ, на улицѣ, встрѣтилъ „дубликаты“ сперва *одного*, а затѣмъ и *другаго* изъ названныхъ Евреевъ.

X. Въ согласіи съ общими стараніями еврейства поколебать на судѣ показанія офицеровъ Абхазскаго полка, Хуна Фейдина, въ свою очередь, не прочь была сообщить, что одинъ изъ офицеровъ чуть ли не распоряжался погромщиками, командуя свисткомъ, котораго свидѣтельница, однако, не видѣла. Столь-же правдивы, разумѣется, показанія: а) Симы Родиной, по словамъ которой офицеръ ударилъ лежавшаго Еврея шашкою, при чемъ у слѣдователя Родина говорила, что офицеръ былъ „въ сѣрой шинели съ маленькою сѣдою бородою“, а предъ Особымъ Присутствіемъ, что — „съ черными усиками“, и б) Хаи Хаиной, что тотъ-же офицеръ былъ „въ кителѣ“; на вопросъ-же о кителѣ, Хаина отвѣчала *„это верхняя шуба“*...

XI. Еврей Рудницкій подстрекалъ свидѣтеля Лозовскаго оговорить, по участію въ погромѣ, начальника желѣзнодорожныхъ мастерскихъ С. П. Ляхова.

XII. Далѣе, по увѣренію Веніамина Блюмина, одинъ ударъ камнемъ Кевешу былъ нанесенъ молодымъ человѣкомъ, раньше служившимъ въ Орловскомъ Банкѣ; имя этого человѣка Блюминъ узналъ нѣсколько позже, въ лакейской „Сѣверной Гостинницы“, гдѣ онъ самъ состоитъ комиссіонеромъ, когда горничная сказала: *„ай, ай, какой сталъ убійца Андрей!“*.. Уже самое построеніе этой фразы говоритъ достаточно о своемъ изобрѣтателѣ.

XIII. Свидѣтелю Лысенкову „хлопчикъ“, отъ имени Шлёмы Цвайга, за оговоръ рабочихъ Скачкова, предлагалъ 5 р. и столько-же—женѣ Лысенкова.

XIV. Шмуль Марковичъ показалъ—на судѣ, что Лукашенко былъ въ *бѣломъ* пиджакѣ и *бѣлой* фуражкѣ, а у слѣдователя, что въ *черномъ* пиджакѣ и *черной* фуражкѣ.

XV. Іоссель Гаптовъ разсказывалъ Особому Присутствію, будто еще въ пятницу, 29 августа, къ нему въ лавку забѣжалъ мальчикъ Затыркинъ и, показывая синюю бумажку съ подписями, говорилъ: „въ понедѣльникъ (1 сентября), всѣхъ жидовъ вырѣжемъ, а тебя, Гаптовъ, оставимъ!“

XVI. По словамъ свидѣтеля Калашникова, въ свою очередь произнесшаго въ Палатѣ рѣчь за Евреевъ, одно оффиціальное лицо передавало Еврею-адвокату Красильщикову, что надъ Евреями пора устроить погромъ „только безъ крови и пуха“...

XVII. Показывая въ удостовѣреніе гражданскаго иска Шифрина и Школьника, свидѣтель Еврей Исаковичъ объявилъ, что у Шифрина было нѣсколько роялей, а „шубъ безъ счета“, убытки-же простираются до 70—100 тысячъ рублей, и вообще дошелъ до того, что, въ томъ-же засѣданіи Особаго Присутствія, самъ Шифринъ поспѣшилъ отъ такого—собственнаго свидѣтеля отречься.

XVIII. Еще дальше, если повѣрить Абраму Когену, то, во время безпорядковъ, жандармскій ротмистръ Колокольцевъ, выскочивъ на крыльцо аптеки, крикнулъ полицейскому чиновнику: *„арестовывайте только жидовъ!“* Ротмистръ-же Дудкинъ, по словамъ Вайсбанда, просилъ его передать полицеймейстеру Раевскому просьбу *„задерживать побольше Евреевъ“*. Въ заключеніе, какъ говоритъ Этка Тамаркина, на ея вопросъ, одинъ изъ солдатъ, разумѣется, по ея словамъ, неповинно задержавшихъ Хайкина, отвѣчалъ „начальство велѣло, если встрѣтимъ *молодыхъ Евреевъ*, то арестовывать!“

XIX. Но, быть-можетъ, все-таки наиболѣе характернымъ является эпизодъ съ фельдшеромъ, Евреемъ Горномъ. Играя въ карты съ исправникомъ Еленскимъ въ слободѣ Вѣткѣ, Горнъ показалъ мѣсто на рукѣ, смазанное іодомъ, и объяснилъ, что 1 сентября на него и двухъ другихъ Евре-

евъ напали какіе-то люди съ цѣлью избить ихъ, но что ему былъ нанесенъ лишь незначительный ударъ, жаловаться-же изъ-за пустяковъ не стоитъ. Однако, вслѣдъ затѣмъ, жалоба оказалась поданною да еще такою, что и самъ исправникъ удивился, ибо въ ней было совсѣмъ не то, что разсказывалъ Горнъ; въ особенности, неожиданно и безпощадно, обвинялся пом. пристава Чернолусскій. На вопросы исправника Горнъ отвѣчалъ, что жалобу написали ему въ „адвокатскомъ бюро“, *спеціально организованномъ въ Гомелѣ* ради интересовъ еврейства; что это бюро было устроено прис. пов. Зарудным, какъ знаютъ и нѣкоторые повѣренные гражданскихъ истцовъ, и что въ „бюро“-же собирали нужныя ему, Горну, свѣдѣнія, а подписать жалобу заставилъ его докторъ Захаринъ. По выясненіи изложеннаго свидѣтелемъ Еленскимъ, былъ снова вызванъ Горнъ (уже допрошенный) и сказалъ, буквально, слѣдующее: „я не могу помнить всѣхъ подробностей частнаго разговора; можетъ, я и солгалъ г. исправнику, нашему доброму и уважаемому начальнику,—они какъ отецъ родной!.. Да я прямо скажу, что солгалъ нашему доброму начальнику, г. исправнику, не желая его огорчить тѣмъ, что впутываюсь въ дѣла Гомельчанъ“. Предпославъ такую тираду, Горнъ, на дальнѣйшіе разспросы г. Заруднаго, уже не затруднился показать, что жалобу онъ сочинялъ *самъ* вмѣстѣ съ какимъ-то писаремъ Гуревичемъ, что *никто* не заставлялъ подавать ее и, наконецъ, что прис. пов. Заруднаго онъ *даже не знаетъ*...

XX. Параллельно съ указанными образцами любви Евреевъ къ истинѣ, нельзя не отмѣтить еще одного, впрочемъ, логически въ подобныхъ дѣлахъ неизбѣжнаго факта—*угрозъ*, которымъ подвергались непокорные свидѣтели. Такъ мы знаемъ, что: а) во время нападеній еврейскихъ скопищъ, 1 сентября 1903 г., раввинъ Маянцъ обращался къ пом. пр. пов. Чернолусскому дерзко и нагло, а врачъ Захаринъ даже грозилъ ему каторгой; б) оглашеннымъ въ засѣданіи Особаго Присутствія анонимнымъ письмомъ отъ 23 сентября 1903 г. Петроченкѣ рекомендовалось измѣнить показаніе, данное имъ судебному слѣдователю,—подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, жестокаго возмездія; в) пріѣхавъ въ деревню къ свидѣтелю Севастьянову, Афроимъ Кремеръ грозилъ: „я тебя въ тюрьму посажу, если ты будешь свидѣтелемъ!“ г) принимавшему, по долгу службы, необходимыя мѣры къ выселенію изъ деревни Еврея-конокрада земскому начальнику Смоленскому Евреи прислали письмо, гдѣ даютъ совѣтъ „поменьше заниматься анти-семитизмомъ, если онъ, Смоленскій, дорожитъ *службою* и *жизнью*“; д) Кузьма Герасимовъ былъ уволенъ съ завода Шифринымъ, при чемъ послѣдній объяснилъ ему: „ты народъ знаешь, а никого не уличилъ“; е) свидѣтель Даніилъ Сорокинъ (пожарный служитель), вскорѣ послѣ 1 сентября, привезя воду для Полицейскаго Управленія, слышалъ какъ Хононъ Захаринъ подговаривалъ какого-то крестьянина показывать на рабочихъ Кошлачова и Шарепова, какъ-будто участвовавшихъ въ погромѣ и нанесшихъ ему, Захарину, побои,—въ противномъ-же случаѣ угрожалъ оговорить

этого крестьянина; ж) тотъ-же Хононъ Захаринъ сперва оговорилъ въ погромѣ Сивакова, который и былъ заключенъ подъ стражу; затѣмъ снялъ оговоръ, но Сиваковъ сталъ уже его свидѣтелемъ, и когда на Полѣсской линіи, въ Гомелѣ, Хононъ Захаринъ указалъ на Матузова, Сиваковъ направилъ его, Хонона, на двоихъ, вмѣсто одного, а именно на Кашлачова и Шарепова, нынѣ преданныхъ суду Особаго Присутствія.

Располагая указанными—объективными данными судебнаго слѣдствія на сторонѣ Евреевъ, нельзя, во имя правосудія и достоинства адвокатуры, не перейти къ даннымъ субъективнымъ, а именно *къ образу дѣйствій еврейскихъ представителей.*

в) Данныя субъективныя.

I. Здѣсь, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе единственный въ своемъ родѣ фактъ полнаго *тождества* дѣйствій защиты и обвиненія. Сверхъ того, пожалуй, не менѣе знаменательно, что солидарность означенныхъ дѣйствій разоблачалась на судебномъ слѣдствіи воочію и *безъ всякаго стѣсненія,* такъ что нѣтъ возможности опредѣлить, гдѣ кончаются мѣропріятія защитниковъ, а гдѣ начинаются задачи обвинителей. Посему, въ дальнѣйшемъ, я уже не буду различать защиты Евреевъ отъ исковъ и обвиненій, Евреями-же проводимыхъ. Для краткости, я стану ту и другія называть „противною для меня стороною" или-же просто — „*моими противниками.*"

II. Изложеннымъ достаточно мотивируется отсутствіе на судѣ гражданскихъ истцовъ.-*Христіанъ* (вдова-же Козлова, какъ извѣстно, по невѣдѣнію, опоздала). Застигнутые врасплохъ, избиваемые и гонимые свирѣпыми скопищами Евреевъ, пострадавшіе крестьяне были вынуждены 29 августа *спасать свою жизнь,* а не думать о гражданскихъ искахъ. Не зная обидчиковъ, не имѣя доказательствъ и не видя надежды справиться съ Евреями на судѣ, равно какъ справедливо опасаясь потерять рабочее время безъ всякаго результата или, что еще хуже, быть запутанными въ уголовное дѣло, несчастныя жертвы еврейскаго гнѣва, по большей части сельскіе обыватели, *жалобъ не подавали.* Это такъ естественно, что если-бы и возможно было удивляться, то развѣ—явленію *обратному.*

Такова была во-истину горькая необходимость, но она являлась наименьшимъ изъ золъ. Усматривая-же изъ собственныхъ протоколовъ, какъ ведутъ себя Евреи даже предъ Особымъ Присутствіемъ, каковы у нихъ замыслы и какъ тяжела борьба съ ними за право даже здѣсь,—Судебная Палата, безъ сомнѣнія, признаетъ, что отсутствіе исковъ отъ имени Христіанъ представлялось неизбѣжнымъ.

Тѣмъ возмутительнѣе переименованіе всѣхъ потерпѣвшихъ Христіанъ въ *погромщиковъ,* что, однако, позволила себѣ, разумѣется, вполнѣ сознательно, защита въ лицѣ *Мандельштама.* Это произошло такъ.

Вызванные, для служенія правосудію, пострадавшіе явились и показали, какъ дѣло было. Поступать иначе они не могли и не должны были.

Какъ-же отнеслись къ этимъ *беззащитнымъ* людямъ мои противники?

То, что они содѣяли совершенно невѣроятно, а, между тѣмъ, очевидно. Впрочемъ, какъ говорятъ Французы, истина, подчасъ, имѣетъ право быть невѣроятною.

Безъ всякаго возраженія со стороны гг. Кальмановича, Заруднаго, Соколова и др. товарищей своихъ, г. Мандельштамъ, въ засѣданіи 18 октября 1903 г., заявилъ, буквально, слѣдующее (цитирую по отчету, напечатанному въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“; см. № 252 отъ 7 ноября): „Лица потерпѣвшія, которыхъ приходилось потомъ разыскивать полиціи,— это и есть лица, *сами участвовавшія въ безпорядкахъ*, во-время скрывшіяся и, страха ради, не заявляющія о полученныхъ ими поврежденіяхъ. Обстоятельство это имѣетъ въ глазахъ защиты очень важное значеніе!“

Ну, конечно, какъ же не имѣть!..

Не ограничиваясь этимъ, г. Мандельштамъ добавилъ: „Мы ни минуты не играемъ въ жмурки съ правосудіемъ и не скрываемъ нашего освѣщенія обстоятельствъ дѣла“...

Помилуйте, какія ужь тутъ жмурки! Не знаешь, куда дѣваться отъ подобнаго освѣщенія!..

Дальше, кажется, идти некуда.

Интересно развѣ узнать, что сказала-бы еврейская пресса, если-бы на нѣчто подобное рискнулъ кто-нибудь изъ Русскихъ—напримѣръ, въ виду столь яркаго факта, какъ солидарность еврейскихъ представителей!?..

III. Тѣмъ не менѣе, „уничтоживъ“, на забаву Евреямъ, самую возможность существованія потерпѣвшихъ среди Христіанъ, мои противники не остановились на этомъ. Въ лицѣ одного изъ защитниковъ—г. Кальмановича, вмѣсто исполненія своей прямой обязанности—*защищать*, хотя-бы въ союзѣ съ гражданскими истцами, они рѣшили превратиться въ *обвинителей*. Изъ дѣла видно, что въ оба дня безпорядковъ (29 августа и 1 сентября) Евреи участвовали сотнями и тысячами, Христіане-же, во всякомъ случаѣ, составляли незначительное меньшинство. Представляя-же себѣ положеніе вещей какъ разъ наоборотъ, г. Кальмановичъ 2 декабря заявилъ слѣдующее: „то, что передъ нами всего сорокъ подсудимыхъ (Христіанъ),— есть результатъ *недостаточнаго искусства полицейской* и *несовершенства слѣдственной власти;* поэтому защита Евреевъ въ правѣ просить, чтобы ей была дана возможность выясненія участія въ погромѣ лицъ, необнаруженныхъ до сихъ поръ (т.-е. *нѣсколькихъ тысячъ*, по счету того-же г. Кальмановича)“. Помимо такого дерзновенія этихъ словъ, которое уже достаточно вразумительно само по себѣ, дѣйствительное ихъ значеніе раскрывается изъ слѣдующаго: а) по даннымъ слѣдствія, никто изъ мѣстной *интеллигенціи* или *чиновничества* на скамью подсудимыхъ привлекаемъ *не былъ*; б) по собственному утвержденію Евреевъ, мѣстное крестьянское;

населеніе или-же мѣщане никакого озлобленія противъ Евреевъ не имѣли, в) гомельское еврейство, какъ удостовѣрилъ его главарь, докторъ Залкиндъ, „хорошо знало причину погрома въ Кишиневѣ" и г) представители Евреевъ на судѣ стремились, по ихъ словамъ, „раскрыть истину даже въ интересѣ подсудимыхъ *Христіанъ*"!

Среди столь явныхъ *противорѣчій*, легко себѣ представить, далѣе, къ чему привело-бы одностороннее и внезапное привлеченіе, въ качествѣ *обвиняемыхъ*, цѣлой массы *новыхъ* лицъ, какъ жертвъ еврейской злобы, въ процессѣ, и безъ того потребовавшемъ, для одного лишь судебнаго слѣдствія, трехъ съ половиною мѣсяцевъ. Помимо сего, какъ указалъ г. Предсѣдатель Особаго Присутствія, привлеченіе новыхъ обвиняемыхъ *выходитъ за предѣлы защиты*, а собираніе нареканій, инсинуацій и обвиненій противъ лицъ, отсутствующихъ или, по меньшей мѣрѣ, *безоружныхъ* и *беззащитныхъ*, было-бы противно не только велѣніямъ закона, но и безспорнымъ требованіямъ этики правосудія.

Мотивированнымъ опредѣленіемъ Присутствія домогательство Кальмановича было *отвергнуто*.

IV. Независимо отъ сего, допросъ свидѣтелей представителями Евреевъ производился и *вообще неправильно*.

Намѣреніе, повидимому, заключалось въ томъ, чтобы показанія свидѣтелей-Христіанъ привести въ безпорядочное, даже хаотическое состояніе, и, объявивъ ихъ подтасованными заранѣе, дискредитировать окончательно.

Какъ удостовѣрило Особое Присутствіе, въ своемъ опредѣленіи, „нѣкоторые изъ защитниковъ Евреевъ и повѣренныхъ Евреевъ-же, гражданскихъ истцовъ, въ теченіе судебнаго слѣдствія, обращались къ свидѣтелямъ изъ числа крестьянъ безъ должнаго спокойствія, въ суровомъ и страстномъ тонѣ, повторяя безъ надобности задававшіеся уже вопросы; спрашивая свидѣтеля о такихъ обстоятельствахъ, которыя никакого отношенія къ дѣлу не имѣютъ; вступая съ свидѣтелями въ рѣзкія пререканія; перебивая свидѣтеля и вообще не считаясь съ его правомъ на свободу представлять свои объясненія въ той формѣ, какую онъ признаетъ наиболѣе вѣрно отражающею разъясняемыя имъ обстоятельства". На ряду съ собственными дѣйствіями подобнаго рода, мои противники позволили себѣ усмотрѣть еще и чужое „вліяніе",—едва-ли не „стачку" между крестьянами, когда, при указанныхъ Присутствіемъ обстоятельствахъ, среди допрашиваемыхъ Евреями крестьянъ стали, наконецъ, раздаваться жалобы: что у одного „заморочена голова", что другой „уже показалъ все и готовъ объяснить вновь Палатѣ (но не адвокатамъ Евреевъ)" или, что третьему „голову забили и онъ не можетъ отвѣчать далѣе!"..

V. Въ трогательной съ этимъ гармоніи, мы видимъ, что, вызвавъ 554 свидѣтеля (когда Христіанами вызваны только 55), Евреи, какъ обнаружилось, поименовали массу такихъ *резервныхъ* или такъ сказать—„*бланковыхъ*" свидѣтелей, которымъ не только ничего невѣдомо по предмету ссылки,

но и сами сославшіеся неизвѣстны. Тѣмъ не менѣе, вопреки справедливости, и эти свидѣтели,—за рѣдкими исключеніями, конечно, Евреи,—или давали свои показанія неожиданно, значитъ по такимъ обстоятельствамъ, которыя, съ собственной точки зрѣнія моихъ противниковъ, являлись *„новыми“*, а потому, въ ихъ глазахъ, даже открывали путь къ новымъ-же ходатайствамъ о дослѣдованіи дѣла, или, по мѣрѣ надобности, пополняли либо опровергали показанія свидѣтелей-Христіанъ, данныя Особому Присутствію раньше. Этой-же категоріи свидѣтели допрашивались, сверхъ сего, то о правовомъ положеніи еврейства въ Россіи (т.-е. объ идеѣ „равноправія“), то—по обстоятельствамъ, къ инсинуаціямъ Евреевъ, или къ ихъ гражданскимъ искамъ *никакого отношенія не имѣющимъ* (напримѣръ, о слѣдахъ крови нищаго Козлова, объ интернаціонализмѣ, о еврейской культурѣ, о гомельскихъ старообрядцахъ и т. п.), то, наконецъ, являлись усердными защитниками еврейства и, въ похвалу ему, а стало-быть, въ ущербъ христіанскому населенію г. Гомеля, произносили разсчитанныя ad hoc, весьма лукавыя рѣчи.

VI. Становясь нерѣдко въ открытую вражду съ правдою, свидѣтели этой послѣдней категоріи, хотя и отличались многословіемъ за Евреевъ, страдали, обыкновенно, полнымъ невѣдѣніемъ всего, что клонится въ защиту Христіанъ, а иные, напр.,—Еврей Абрамъ Плоткинъ,—вели себя съ такою дерзостью, что его пришлось удалить изъ залы засѣданія (онъ осмѣлился, между прочимъ, сказать, что все, написанное о немъ въ обвинительномъ актѣ,—„чистая ложь“). Что-же касается „новыхъ“ обстоятельствъ, каковы, напримѣръ, показаніе Затыркина объ „афишкахъ“, яко-бы приглашающихъ бить Евреевъ, Когана—о приказѣ ротм. Колокольцева арестовывать однихъ Евреевъ или разсказъ Захарина о „слѣдахъ“,—то, вопреки чрезвычайнымъ и неоднократнымъ настояніямъ моихъ противниковъ, обстоятельства эти Особымъ Присутствіемъ были признаны *несущественными*, а потому неспособными отмѣнить работу, затраченную на производство судебнаго слѣдствія, съ тѣмъ, чтобы чрезъ нѣсколько времени начинать ее сызнова, быть можетъ, лишь для новаго пріостановленія и т. д., безъ конца.

VII. Путемъ многихъ трудовъ, цѣлый рядъ обоснованныхъ распоряженій г. Предсѣдателя и постановленій Особаго Присутствія, наконецъ, достигъ цѣли, т.-е. устранилъ несправедливыя домогательства еврейства и направилъ дѣло законнымъ путемъ. — Къ сожалѣнію, представители Евреевъ не теряли надежды устоять на своемъ. Не только всѣмъ своимъ поведеніемъ на судебномъ слѣдствіи, но и категорическимъ заявленіемъ 21 декабря, сдѣланнымъ прис. пов. Винаверомъ за себя и отъ имени прочихъ повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, при отсутствіи возраженія защитниковъ Евреевъ, они показали всѣхъ ихъ полную солидарность въ намѣреніи, какъ бы то ни было, но *опровергнуть* „монструозный“ обвинительный актъ. Ясно, что уже однимъ этимъ защита Евреевъ пріобрѣла возможность пользоваться правами *обѣихъ сторонъ въ процессѣ* и, слѣдовательно, достигала исклю-

чительнаго преимущества надъ защитою Христіанъ. Засимъ все остальное рядомъ съ „бланковыми“ свидѣтелями, дававшими показанія не только подъ вліяніемъ еврейскаго патріотизма, а совершенно внезапно и далеко за предѣлами того, о чемъ показывать они были вызваны,—снова и рѣшительно вредило защитѣ Христіанъ, нарушая *равенство* сторонъ *въ самомъ его основаніи*.

VIII. Въ заключеніе, сюда-же клонились и настойчивыя, хотя, въ свою очередь, незаконныя попытки повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, внезапно-же усиливать обвиненіе Христіанъ—черезъ допросъ свидѣтелей, вызванныхъ *подсудимыми Евреями*, къ которымъ, однако, иски вовсе не относились. Правда, попытки этого рода были останавливаемы г. Предсѣдателемъ и опредѣленіями Присутствія, но, въ той или иной видоизмѣненной формѣ, повторялись, съ непостижимою смѣлостью. Можно-ли не удивляться, далѣе, когда, обозвавъ потерпѣвшихъ Христіанъ *погромщиками* (въ особенности хорошо звучитъ это, напримѣръ, по отношенію къ изувѣченному Евреями 29 августа 75-лѣтнему кроткому старику Осипу Бондаренко) и, значитъ, домогаясь привлеченія къ дѣлу, въ качествѣ обвиняемыхъ какъ этихъ, такъ и сотенъ другихъ Христіанъ, представители Евреевъ, въ лицѣ повѣреннаго гражданскихъ истцовъ г. Сліозберга, раньше, чѣмъ покинуть залъ засѣданія—по случаю удаленія г. Соколова, настаивали на *противозаконномъ* порядкѣ допроса свидѣтеля Шустова. При этомъ, въ апоѳеозѣ, они, какъ упомянуто выше, заявили, что если и участвуютъ въ процессѣ, то „исключительно для того, чтобы, пользуясь правами, предоставленными гражданскому иску, пролить полный свѣтъ на дѣло и раскрыть истину въ интересахъ не однихъ Евреевъ, но даже и *подсудимыхъ Христіанъ*?!“...

IX. Что-же касается, въ частности, самаго инцидента съ Шустовымъ, то здѣсь, прежде всего, очевидно, что будучи вызванъ по просьбѣ подсудимаго Шмерки Каплана, обвиняемаго за участіе въ безпорядкахъ 1 сентября, и, тѣмъ не менѣе, заявивъ, что ни самаго Каплана, ни по его дѣлу ничего не знаетъ, Шустовъ, строго говоря, уже не подлежалъ допросу. Нарушеніе сего не только повело-бы къ дальнѣйшему обходу закона, по принципу—„audiatur et altera pars!“, требующаго *указанія обстоятельствъ*, въ разъясненіе коихъ свидѣтель вызывается,—каковой обходъ практиковался Евреями по этому дѣлу, быть-можетъ, слишкомъ безцеремонно,—но и клонилось-бы къ нарушенію правъ подсудимыхъ Христіанъ, настигаемыхъ все новыми и новыми еврейскими показаніями, вопреки закону, *неожиданно*. При солидарности-же еврейскихъ защиты и обвиненія, указанный фактъ для названныхъ подсудимыхъ былъ *уже самъ по себѣ опасенъ*. Съ другой стороны, если допросъ Шустова и сталъ-бы возможнымъ, то, безъ сомнѣнія, сперва по обстоятельствамъ 1 сентября, въ разъясненіе коихъ онъ былъ именно вызванъ, и только за симъ, если-бы оказалось умѣстнымъ,—по событіямъ 29 августа. Это вполнѣ очевидно. Посему, противныя сему требованія какъ самого Шустова, такъ и еврейскихъ представителей не

заслуживали уваженія. Стало-быть, далѣе, неповиновеніе прис. пов. Соколова распоряженіямъ г. Предсѣдателя само по себѣ обусловливало мѣру, вслѣдъ за этимъ принятую—*Gravia graviorem curam exigunt pericula.*— Слѣдовательно, наконецъ, ни заявленіе представителей Евреевъ, что всѣ они солидарны, ни „утрата ими спокойствія", ни великодушное ихъ намѣреніе исправить недочеты полицейской и судебной властей, ни ссылки на общее ихъ желаніе уничтожить „монструозный" обвинительный актъ, ни ламентаціи г. Сліозберга о желаніи его и его единомышленниковъ пролить на дѣло свѣтъ даже въ интересахъ Христіанъ, не могли имѣть никакого значенія *въ виду явнаго ихъ стремленія нарушить законъ.*

X. Отсюда, въ конечномъ итогѣ, нельзя не признать, что произвольный выходъ изъ дѣла названныхъ представителей, да еще въ такой моментъ, когда безпримѣрное по объему судебное слѣдствіе почти заканчивалось, возобновить-же его не представлялось физической возможности,— является *не согласнымъ съ интересами правосудія, равно какъ и съ достоинствомъ адвокатуры.* Будучи выдвинутъ въ началѣ моей рѣчи, ибо я не могъ умолчать ни объ отсутствіи противниковъ, ни о своемъ убѣжденіи по этому предмету, означенный тезисъ можетъ почитаться доказаннымъ не только всѣмъ, что, по мѣрѣ силъ, я имѣлъ честь представить Особому Присутствію, но, главнымъ образомъ, тѣми распоряженіями г. Предсѣдателя и опредѣленіями самого Присутствія, которыя по дѣлу воспослѣдовали. Ссылаясь на этотъ судебный матеріалъ, прямо къ вопросу относящійся, я перехожу къ дальнѣйшимъ отдѣламъ своей проблемы.—Ихъ уже немного.

Еврейскій гнетъ, въ Гомелѣ, выразился, между прочимъ, въ томъ, что на долгомъ пути судебнаго слѣдствія мы не встрѣтили никого, кто далъ бы законченную картину іудейской гордыни, взаимныхъ отношеній еврейства и кореннаго населенія, постепеннаго захвата всѣхъ средствъ пропитанія, экономическаго и нравственнаго обездоленія Евреями Христіанъ. Наоборотъ, со стороны Евреевъ мы выслушали цѣлый рядъ рѣчей, въ томъ числѣ и отъ свидѣтеля-старообрядца Калашникова. Прислушиваясь къ этимъ рѣчамъ, мы не видимъ, однако, ничего, что заслуживало-бы внимательнаго разсмотрѣнія.

Двѣ ноты господствуютъ въ нихъ неизмѣнно: а) Евреи страдаютъ *безъ всякой вины*, а потому вынуждены „защищаться", — впредь до полученія равноправія, и б) „это вамъ не Кишиневъ!".. т.-е., что безпорядки въ Гомелѣ обусловливаются *Кишиневскимъ* погромомъ, но что результаты здѣсь должны быть иные. Чего стоитъ эта музыка, мы уже достаточно знаемъ. „*Какъ нѣтъ медленныхъ зайцевъ, такъ не бываетъ простоватыхъ Евреевъ*",—гласитъ испанская поговорка, а потому, едва-ли слѣдуетъ еще доказывать, что гомельское еврейство прекрасно понимаетъ всю нелѣпость такого объясненія событій 29 августа и 1 сентября 1903 г.

Самъ главарь мѣстнаго еврейства, врачъ Залкиндъ, какъ извѣстно, не затруднился объявить, что причина кишиневскихъ событій заключается вовсе не въ озлобленіи Христіанъ и что *Евреи хорошо знаютъ причину.* Не входя, конечно, въ дальнѣйшую оцѣнку этой политической инсинуаціи, достаточно прозрачной, чтобы она не требовала объясненій, ни съ чѣмъ несообразной и уже достаточно опровергнутой, чтобы о ней стоило говорить вновь, — нельзя не отмѣтить, однако, кореннаго *противорѣчія* въ объясненіи самими Евреями мотивовъ того, что они совершили въ Гомелѣ 29 августа и 1 сентября 1903 г., равно какъ и крайняго дерзновенія, съ которымъ противорѣчіе этого рода они даже не пытаются замаскировать.

Nihil est Judaeo miserius aut superbius!..

Тѣмъ не менѣе, разъ противная сторона обратилась къ *генезису* обсуждаемыхъ событій, защитѣ Христіанъ, въ свою очередь, не можетъ быть отказано въ нѣкоторыхъ историческихъ справкахъ. Если, далѣе, по еврейскому вопросу были выслушаны Маянцъ, Залкиндъ, Александровъ, Захаринъ и Калашниковъ, то, во имя безпристрастія, не мѣшаетъ послушать историковъ и философовъ. Въ частности-же, относительно Калашникова, не лишнее замѣтить, что: а) если, по его удостовѣренію, христіанское населеніе 29 августа „недоумѣвало“, то вѣдь иначе и невозможно себѣ представить положенія вещей даже теоретически, когда, согласно съ истиною, признаемъ, что погромъ Русскихъ Евреями произошелъ въ Гомелѣ *впервые*, а потому, дѣйствительно, не могъ не вызвать удивленія; б) наоборотъ, прогулки Евреевъ за желѣзною дорогою и переселеніе ихъ въ Старообрядческую слободу истолкованы свидѣтелемъ безусловно неправильно, такъ какъ оба факта указываютъ только на распространеніе „благоуханія еврейскихъ капиталовъ“ путемъ ссудъ желѣзнодорожнымъ рабочимъ и покупки старообрядческихъ домовъ; вдумываясь въ эти факты, слѣдуетъ трактовать не о сближеніи Христіанъ съ Евреями, а надо-бы понаблюсти, — черезъ сколько времени вся слобода станетъ *еврейскою,* и в) вполнѣ несостоятельна, наконецъ, ссылка Калашникова, какъ пѣвца еврейской культуры, на Достоевскаго; великій писатель съ душевною скорбью, замѣтилъ, что если землѣ русской погибать придется, то, вѣроятнѣе всего, — отъ Евреевъ!..

А, что Ѳ. М. Достоевскій печаловался прозорливо, въ томъ убѣждаютъ анналы вѣковъ.

В. Свидѣтельства исторіи.

Тема изумительная, суровая и необъятная, но я вовсе не предполагаю затруднять ею вниманіе Особаго Присутствія. Однако, — нельзя позволить и Евреямъ эксплуатировать *ими-же извращенныя* кишиневскія событія безъ конца. Никто не смѣетъ требовать, чтобы мы молчали терпѣливо, сколько-бы ни было изливаемо на насъ неправды еврейскою прессою всего міра и какой-бы жалобы ни подавалъ „избранный народъ“ американскому статсъ-секретарю Гею, вдобавокъ пользуясь тѣмъ, что она *„расцвѣла на Маньчжурской*

почвѣ“, какъ замѣтила M-me Adam въ своемъ „*Revue Bleu*“ раньше кишиневскаго процесса въ Одесской Судебной Палатѣ (ноябрь 1903 г.).

Справедливо и давно призналъ еще, быть-можетъ, гуманнѣйшій изъ профессоровъ исторіи, Грановскій, что „*въ искусствѣ возбуждать противъ себя ненависть Евреи не знаютъ соперниковъ*“.

Обращаясь къ доказательствамъ этого тезиса, мы видимъ слѣдующее.

На первомъ планѣ стоитъ, питающій ненависть въ собственной средѣ еврейства, талмудическій трактатъ „*Мегилла*“ (эпизодъ Мардохея и Гамана), чтеніе коего разсматривается, какъ самое священное занятіе для всякаго Еврея, даже малолѣтняго (насколько, разумѣется, онъ способенъ понимать), даже—для Еврейки (не обязанной знакомиться съ Талмудомъ вообще).—Убивъ въ Сузахъ (одной изъ столицъ древней Персіи), въ V вѣкѣ до Р. Х., Гамана, его сыновей и близкихъ и, кромѣ того, въ 120 провинціяхъ Персидской монархіи 70.000 „*сильныхъ*“ враговъ своихъ, Евреи три дня блистательно торжествовали, а затѣмъ, въ память этого, учредили на всѣ времена самый веселый изъ своихъ праздниковъ—„Пуримъ“ (онъ переносный,—бываетъ въ февралѣ или въ мартѣ). Поиздѣвавшись въ волю и всѣми способами надъ изображеніемъ или именемъ Гамана, правовѣрный Еврей обязанъ напиться пьянымъ до такой степени, чтобы не счесть пальцевъ на рукѣ и не различать выраженій „благословенъ Мардохей, проклятъ Гаманъ!“ и „проклятъ Мардохей, благословенъ Гаманъ!“..—Воспитывая злобу юношества и утоляя мстительность взрослыхъ, „Пуримъ“ служитъ главнымъ въ году моментомъ проявленія іудейской *ненависти* и гордыни.

Обращаясь къ сосѣдней, греческой эпохѣ—послѣ Александра Македонскаго, мы узнаемъ:

„Когда, съ цѣлью пресѣчь непрерывныя еврейскія возстанія, Антіохъ VII Сидскій осаждалъ Іерусалимъ, то, вынуждаемые голодомъ, Евреи прислали къ нему просить мира. Большинство-же царскихъ совѣтниковъ указывало на необходимость взять городъ приступомъ и, ради общаго блага, сокрушить, наконецъ, Евреевъ. Царю слѣдуетъ, говорили они, вспомнить о справедливыхъ жалобахъ его предшественниковъ на то, что изъ всего человѣчества Евреи — единственное племя, которое *не желаетъ никакого сближенія съ другими народами* и смотритъ на нихъ лишь какъ на своихъ *враговъ*. Въ виду этого, по меньшей мѣрѣ, необходимо отмѣнить ихъ человѣко-*ненавистническіе* законы и принудить ихъ къ перемѣнѣ образа жизни, исключительно основаннаго на унаслѣдованной отъ предковъ злобѣ ко всѣмъ прочимъ людямъ“. (Діодоръ Сицилійскій; фрагментъ къ его XXXIV книгѣ).

Ученіе фарисеевъ и современный намъ талмудизмъ—двѣ стадіи *одного и того-же* историческаго факта. Объ этомъ надо памятовать твердо, чтобы не дѣлаться у Евреевъ посмѣшищемъ. Были-же, вѣроятно, причины, вслѣдствіе которыхъ при взятіи Тира въ Финикіи еще Александръ Великій въ одинъ день распялъ 800 фарисеевъ. Вообще-же говоря, близость евре-

евъ къ финикіянамъ такова, что—какъ установлено современною наукою,— самые ихъ языки разнствуютъ не болѣе, чѣмъ отдѣльныя нарѣчія. А такъ какъ духовная сторона народа отражается именно въ *языкѣ*, то кровная близость народовъ опредѣляется прежде всего родственностью ихъ языковъ. Поэтому и принимая во вниманіе, что карфагеняне были выходцами изъ Финикіи не мѣшаетъ и намъ почаще припоминать Катона съ его:— „Et insuper censeo, Carthaginem esse delendam!..“

— Сообразуясь съ этимъ, далѣе, для уразумѣнія того, какъ древніе смотрѣли на Евреевъ, отнюдь не безполезенъ отзывъ такого мыслителя, какъ Титъ Ливій о столь яркомъ выраженіи пуническаго типа, какимъ былъ Ганнибалъ:—„Inhumana crudelitas, perfidia plusquam punica; nihil veri, nihil sancti; nullum jusjurandum; nullus deum metus et nulla religio!..“

Послѣ разрушенія Тира Александромъ Македонскимъ и Карфагена Сципіономъ Африканскимъ, Іудея предстала Риму, какъ единственное еще замѣтное проявленіе семитической расы, но и Римъ не совладалъ съ нею,— хотя, по справедливому замѣчанію Шампаньи: „Rome rendait toujours en tolérance ce qu'elle recevait en soumission“.—Войны Помпея уже повели къ тому, что, упоминая о Евреяхъ, философъ Сенека горевалъ, но постигнуть не могъ, какъ это: „victi victoribus leges dederunt?!..“

Свидѣтельствуя о тѣхъ-же Евреяхъ, Тацитъ говоритъ: „adversus omnes alios *hostile odium*,—inter se nihil illicitum“, а Титъ Ливій добавляетъ: „Cretenses [1])—semper mendaces, malae bestiae!..“

По удостовѣренію-же Моммсена, пропреторы и проконсулы римскихъ провинцій вынуждены были держать себя въ отношеніяхъ къ еврейству почтительно, если не хотѣли встрѣтить сугубыхъ невзгодъ по возвращеніи въ Римъ. Интригуя здѣсь всячески и, разумѣется, жонглируя на выборахъ, Евреи дерзали, подчасъ, мѣшать самымъ совѣщаніямъ римскаго народа („multitudinem Judaeorum flagrantem nonnuquam in concionibus“,—Cic. pro Fl.), между тѣмъ какъ въ самомъ Іерусалимѣ не бывало такого злодѣя, который не нашелъ-бы себѣ тамъ убѣжища („nam pervicacissimus quisque illuc perfugerat“,—ibidem). Спеціальная-же и неискоренимая профессія Евреевъ,—какъ и слѣдовало ожидать—состояла тогда уже въ *монополизаціи золота* чрезъ сосредоточеніе его изъ Италіи и всѣхъ провинцій въ Іерусалимѣ (—„Quum aurum Judaeorum nomine, quotannis, ex Italia et ex omnibus provinciis Hierosolymam exportari soleret“,—Cic. pro Fl.).

Нѣтъ, стало быть, ничего удивительнаго въ томъ, что, сознавая опасность такой концентраціи еврейскихъ силъ, только одинъ изъ пропреторовъ,— Флаккъ, рѣшился стать Евреямъ поперекъ дороги и запретилъ вывозить золото изъ своей провинціи, за что и потерпѣлъ жестоко, при благосклонномъ участіи сыновъ Израиля, преслѣдуемый уголовными обвиненіями тогдашняго Золя,— еврейскаго-же агента Лелія. Поставивъ обвинителю свидѣтелей и

---

[1]) Древніе считали Евреевъ выходцами съ острова *Крита*.

иныя „доказательства“, равно какъ учинивъ затѣмъ всевозможныя затрудненія на пути защиты,—Евреи, во время разбора дѣла, окружали форумъ, кричали и шумѣли такъ, что судьямъ почти нельзя было слушать того, что необходимо подсудимому...

Къ счастью, защиту Флакка приняль на себя Цицеронъ. Выяснивъ положеніе вещей и указавъ Лелію по поводу Евреевъ—„Scis quanta sit manus, quanta concordia, quantum valeat in concionibus“ (тебѣ ли не знать, какъ тяжела у нихъ рука, каково ихъ единство и чего стоитъ оно въ народныхъ собраніяхъ!..),—Цицеронъ, въ заключеніе, взялъ знаменательный аккордъ:

— Когда Іерусалимъ еще былъ независимъ, а Евреи жили въ мирѣ съ ними,—ихъ обряды и понятія уже внушали отвращеніе величію нашего имени, блеску нашей державы и учрежденіямъ нашихъ предковъ. Насколько-же невыносимѣе стали они теперь, когда, поднявъ противъ насъ оружіе,—это ничтожное племя раскрыло свои истинныя чувства въ отношеніи нашего государства и когда, благодаря милости безсмертныхъ боговъ, мы его сокрушили, изгнавъ изъ отечества и обративъ въ рабство?!“..

Безконечные раздоры и междуусобицы, лже-мессіи и дворцовыя революціи, предательство и кровавыя возстанія въ средѣ Евреевъ не давали покоя Риму. Необходимость-же участія, для осады Іерусалима, такихъ полководцевъ, какъ Веспассіанъ и Титъ, и отборныхъ легіоновъ римской арміи вновь показала, что сооруженія этой крѣпости были возведены съ такою, почти неодолимою, силою какъ-бы въ предвидѣніи послѣдствій той ненависти, которую сами-же Евреи среди окружающихъ народовъ возбуждали вѣками.

Мудрено-ли, что, по взятіи Іерусалима, стоившемъ огромныхъ жертвъ, Титъ, хотя и очарованный прелестями Еврейки Береники, отдалъ въ приказѣ по войскамъ слѣдующее: *„вы побѣдили самый коварный, жестокій и мятежный народъ!“*..

Увы, послѣ этой кровавой эпопеи не прошло и ста лѣтъ, какъ императору Адріану снова пришлось напрягать усилія для подавленія одного изъ самыхъ свирѣпыхъ еврейскихъ возстаній подъ предводительствомъ лже-мессіи Бар-Кохебы (132—135 гг. по Р. Х.). Истребляя сотни тысячъ Грековъ-Христіанъ въ Киренѣ, на островѣ Кипрѣ и въ Египтѣ, Евреи подчасъ распиливали ихъ вдоль, пожирали мясо своихъ жертвъ, лизали ихъ кровь, опоясывались внутренностями и, устраивая гекатомбы изъ череповъ, танцовали danse macabre вокругъ (см. у Діона Кассія и Іеронима).

Знаменательнѣе всего, однако, было то, что, гоненіемъ Христіанъ, Евреи, повидимому, разсчитывали обмануть Римлянъ и, усыпивъ дѣятельность властей, разлить огонь революціи на огромномъ пространствѣ, а затѣмъ,—въ общемъ крушеніи, достигнуть независимости Іудеи. Исторія показываетъ что, въ виду своей неизлѣчимой заносчивости, Евреи никогда не забывали своей основной политической цѣли – самовозвеличенія и впослѣдствіи. Изъ

угнетаемыхъ они немедленно становились угнетателями, но отнюдь не довольствовались „равноправіемъ“.

Правда, и Адріанъ не оставилъ такихъ дѣяній безъ возмездія. Въ періодъ подавленія бунта свыше чѣмъ 580.000 Евреевъ погибло отъ меча и, сверхъ того, множество—отъ голода, болѣзней и пожаровъ. Мѣсто Іерусалимскаго храма было перепахано и посыпано солью; самое названіе „Іерусалимъ“ было уничтожено и замѣнено новымъ *„Элія Капитолина“* Евреи же были окончательно изгнаны изъ Палестины (ibidem).

Отмѣчая, что все изложенное относится въ Римѣ къ эпохѣ господства *язычества*, т.-е. когда о религіозной враждѣ къ Евреямъ не могло быть и рѣчи, я, во избѣжаніе упрека именно на этой почвѣ, прохожу мимо болѣе, чѣмъ тысячелѣтній періодъ, и останавливаюсь лишь на времени послѣ французской революціи, да и здѣсь обращаюсь только къ мыслителямъ, незапятнаннымъ фанатизмомъ.

Резимируя многовѣковую борьбу между семитами и арійцами, историкъ Курціусъ заключаетъ свои размышленія такъ: „Греція воспрянула только, когда ей удалось ниспровергнуть господство *семитизма финикійскаго*,— Римъ заложилъ основы міроваго владычества лишь въ войнахъ на жизнь и смерть, которыя завершилъ побѣдою надъ *семитизмомъ каряагенскимъ*

Извѣстный философъ и юристъ *Клюберъ* („Uebersicht der diplomatischen Verhandlungen des Wiener Congress“) говоритъ:

— „Евреи представляютъ политико-религіозную секту, сурово подчиненную деспотизму раввиновъ. Жизнью своихъ общинъ, системою дѣйствій каждаго изъ нихъ, своимъ національнымъ, совершенно исключительнымъ строемъ и обостреннымъ сознаніемъ кровнаго родства между всѣми ими, то-есть такимъ чувствомъ, которое, въ сущности, является духомъ касты,— они образуютъ отъ отца къ сыну *сообщество наслѣдственныхъ заговорщиковъ*. Духъ еврейства познается, вообще говоря, изъ ихъ религіозной гордыни: они воображаютъ себя народомъ, который, будучи избранъ Богомъ, стоитъ выше всѣхъ не-Евреевъ и отличается отъ нихъ какъ физически, такъ и нравственно, а затѣмъ полагаютъ, что всѣ прочіе народы должны быть стерты съ лица земнаго. Но разумъ доказываетъ, а опытъ подтверждаетъ, что кастовый духъ несовмѣстимъ съ благомъ государства и общества. Іудаизмъ-же, съ политической и физической точекъ зрѣнія, представляетъ, сверхъ того, кастовую закваску, которой нѣтъ другаго примѣра въ христіанской Европѣ. Положеніе этого рода создаетъ непрерывный антагонизмъ между Израильтянами и всякою страною, гдѣ они поселяются.

Дать еврейству, какимъ оно является передъ нашими взорами, права, тождественныя съ тѣми гражданами, которые не состоятъ, подобно ему, въ оппозиціи и борьбѣ съ государствомъ, значило-бы превратить въ источникъ неизлѣчимой заразы этотъ бичъ, этотъ исконный антагонизмъ, который неотступно мучаетъ и ослабляетъ государство, если не приводитъ его къ совершенной погибели“.

Знаменитый *Фихте* просвѣщаетъ насъ, въ отношенiи Евреевъ, такъ:

— „Надъ всѣми почти странами Европы простирается могущественное и враждебное государство, которое живетъ въ непрерывной войнѣ съ прочими державами и страшно угнетаетъ ихъ гражданъ—это *iудаизмъ*. Я думаю, что онъ столь ужасенъ не въ силу обособленности, паразитизма и его крѣпкой сплоченности, а потому, что онъ основанъ и выстроенъ на глубокой *ненависти* ко всему человѣческому роду. Племени, которое видитъ во всѣхъ другихъ народахъ лишь потомковъ тѣхъ, кто выгналъ его изъ его родины; племени, которое умаляетъ свое тѣло и свой умъ и гаситъ въ себѣ всякое доброе побужденiе, предаваясь низкому торгашеству и ростовщичеству; племени, которое, вопреки тому, что дѣлается у другихъ народовъ Европы, направляетъ самое святое изъ всего, чѣмъ располагаетъ,—узы своей религiи на то, чтобы воспретить себѣ общенiе съ нами даже въ пищѣ, и которое не только не хочетъ дѣлить нашихъ радостей и печалей, но требуетъ полнаго размежеванiя какъ въ обязанностяхъ, такъ и въ правахъ, даже предъ престоломъ Всевышняго, Отца всѣхъ людей,—такому племени, говорю я, надо было-бы занимать среди насъ нѣсколько иное положенiе, чѣмъ то, которымъ оно владѣетъ въ дѣйствительности и которому мы сами повседневные очевидцы. Я хочу сказать, что въ государствѣ, гдѣ безъ вины самый неограниченный монархъ не отниметъ у меня хижины моихъ предковъ—первому попавшемуся Еврею не слѣдовало-бы, кажется, позволять грабить меня безнаказанно всякiй разъ, когда ему это понравится.

И они хотятъ имѣть права человѣка, даже несмотря на то, что сами-же они намъ въ этихъ правахъ отказываютъ (какъ видно изъ Талмуда)!.. Но дать Евреямъ гражданскiя права возможно лишь при одномъ условiи, а именно,—чтобы въ одну прекрасную ночь на мѣсто каждой еврейской головы поставлена была другая, въ которой не оставалось бы ни одной еврейской идеи“.

Наконецъ, *Францъ Листъ*, въ свою очередь, не нашелъ словъ утѣшенiя, размышляя о еврейскомъ народѣ. Вопреки тому хвастовству, съ какимъ дѣти Израиля повѣствуютъ о своихъ культурныхъ заслугахъ, хотя-бы въ одной музыкальной сферѣ, названный величайшiй изъ музыкальныхъ генiевъ излагаетъ свое убѣжденiе слѣдующимъ образомъ:

— „Еврей идетъ все впередъ по пути къ *монополизацiи денегъ*. Онъ уже достигъ того, что, въ минуту опасности, можетъ сжать или освободить горло цѣлой страны по мѣрѣ того, какъ будетъ стягивать или распускать свой кошелекъ, ставшiй въ его рукахъ ящикомъ Пандоры. Мелкiе ремесла и грошевое барышничество, которыми онъ довольствовался понынѣ, уже никуда, по его мнѣнiю, не годятся теперь, когда онъ замѣнилъ ихъ безграничными операцiями банковъ и огромными гешефтами биржевой игры, то-есть такими сферами, гдѣ съ головокружительною быстротою онъ сталъ неограниченнымъ владыкою и повелителемъ. Еврей до отвалу насосался всѣми видами современныхъ вольностей съ цѣлью, уже безъ всякаго стѣсненiя, вести аттаку противъ любой христiанской правды. Онъ захватилъ и

весь объемъ дѣятельности прессы, дабы съ большимъ успѣхомъ потрясать самые устои нашего гражданскаго быта. Подобно тому, какъ онъ ненавидитъ Бога на Голгоѳѣ, онъ точно также пылаетъ злобою ко всему, что представляетъ силу, благородство и величіе тѣхъ религіозныхъ общинъ, которыя исповѣдуютъ Распятаго Господа. Онъ естественный, прирожденный врагъ всего, на чемъ покоится ихъ незыблемость, благоденствіе и слава. Неуклонно заботясь о томъ, чтобы смѣшиваться съ Христіанами во всевозможныхъ тайныхъ сообществахъ и обращать ихъ дѣятельность на пользу Израиля, онъ съ давнихъ временъ, всегда и прежде всего, норовитъ примкнуть къ такимъ шайкамъ, которыя поставили себѣ задачею ниспроверженіе существующаго порядка. При этомъ для Еврея безразлично, каковъ именно данный режимъ, равно какъ и то, ради чего собственно другіе стремятся поколебать его. Еврею все годится разъ оно имѣетъ цѣлью ниспровергнуть, во-первыхъ, тронъ, а во-вторыхъ, алтарь, или, что для него еще лучше, сначала религіозныя, а затѣмъ и государственныя установленія. Ему доставляетъ истинное наслажденіе такая картина, когда въ омутахъ революціи гибнетъ и вихремъ бѣшеныхъ переворотовъ разсѣивается все, что въ христіанской цивилизаціи есть высокаго, чистаго и прекраснаго".

Изложеннымъ мы ограничиваемся.

Поразительно это единообразіе данныхъ о Евреяхъ на протяженіи двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ. Между тѣмъ, и за ближайшую эпоху, такихъ-же цитатъ изъ твореній философовъ, историковъ, государственныхъ людей, великихъ писателей, хотя-бы начиная съ Шекспира, можно привести произвольныя количества. Но для нашей задачи и сказаннаго довольно, чтобы не сомнѣваться въ справедливости вывода, сдѣланнаго профессоромъ Грановскимъ.

Разница, замѣчаемая въ наши дни, состоитъ въ безпримѣрномъ расширеніи іудейской тиранніи *черезъ биржу, прессу и политику*. Недостатокъ законовъ, которыми карались-бы преступленія противъ *человѣческихъ массъ*, открыли еврейству такія средства обогащенія безъ производительнаго труда, какихъ раньше не видѣлъ міръ. Гордыня-же еврейская, посѣвая вокругъ себя ложь, предательство и нищету и еще разъ доказывая, что сыны Израиля „неспособны переносить счастья", естественно приводила къ тому, что самъ рокъ начиналъ имъ противиться.

У кого деньги, тотъ владѣетъ прессою; кто завладѣлъ биржею и прессою, тотъ захватилъ политику, а у кого въ рукахъ политика страны, тотъ повелѣваетъ самимъ кормиломъ ея дѣятельности. Таковъ рецептъ владычества надъ народами, къ которому Евреи неуклонно стремятся. Важнѣйшимъ-же препятствіемъ для достиженія цѣли служитъ, по ихъ мнѣнію, отсутствіе „равноправія" въ Россіи, т.-е. именно тамъ, гдѣ Евреевъ всего больше.

Направляясь къ этой цѣли, еврейство въ наше время пріобрѣтало все больше смѣлости, пока не объявило, наконецъ, что и самые погромы обу-

словливаются недостаточнымъ уваженіемъ къ нему русскаго народа, именно за отсутствіемъ равноправія. Но тогда, какъ въ прежніе годы о равенствѣ въ правахъ Евреи позволяли себѣ только мечтать, теперь они уже готовы его требовать. Столь рѣзкая перемѣна въ свою очередь подсказывается чрезвычайными успѣхами, достигнутыми іудаизмомъ и у насъ, вслѣдствіе ихъ эмансипаціи во Франціи.

Уже войны Наполеона, истребивъ цвѣтъ французскаго населенія, положили вмѣстѣ съ тѣмъ основаніе могуществу Ротшильдовъ и ихъ единоплеменниковъ, отъ военной службы уклонившихся. Послѣдовавшія затѣмъ событія міровой исторіи, связанныя съ огромными подрядами и поставками, въ особенности-же съ постройкою желѣзныхъ дорогъ, войнами и государственными займами, до крайности, размножили биржевыхъ удавовъ и акулъ, чрезмѣрно обогативъ еврейство. Крымская эпопея и битва при Садовой; Франко-Прусская трагедія и учрежденіе Адольфомъ Кремье всемірнаго еврейскаго союза („Alliance Israélite Universelle", *„Хабура Колъ Изроэль Хаберимъ")*; освобожденіе Болгаріи и берлинскій конгрессъ; дуэль Ротшильдовъ съ Бонту и панамская катастрофа, все это лишь ступени къ дальнѣйшему *пересыщенію іудаизма золотомъ*, т.-е. къ расцвѣту его надменнаго властолюбія.

Но все это, вмѣстѣ взятое, едва-ли послужило-бы Израилю такъ, какъ захватъ имъ *прессы*, отдавшій на его произволъ общественное мнѣніе народовъ. Только завладѣвъ прессою, всемірный кагалъ могъ позволить себѣ, напримѣръ, такое издѣвательство надъ правосудіемъ, какъ стремившаяся затоптать въ грязь два вступившіе въ законную силу приговора, принудившая къ отставкѣ пять военныхъ министровъ, истерзавшая французскій народъ и возмутившая оба полушарія Дрейфуссіада. Далеко не врагъ Евреевъ и не другъ Франціи Либкнехтъ, утверждая, что Дрейфусъ *измѣнникъ*,—отказывается понимать наглость, съ которою служащія еврейству газеты всего міра подтасовывали факты, извращали всѣ понятія о правдѣ и справедливости и жонглировали опасностями, грозившими миру народовъ, при томъ — совершенно безнаказанно и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ... Надо-ли удивляться тому, въ какой мѣрѣ, путемъ своей прессы, Евреи въ Россіи успѣли извратить кишиневскія событія, а затѣмъ и настоящее, далеко повидимому, небезопасное для нихъ дѣло. Спросите, за дверьми этого зала, что происходитъ здѣсь, и вы придите въ ужасъ отъ той систематической, преднамѣренной, коварной лжи, какую распространяетъ іудейская печать, фальсифицируя, ad majorem Jsraeli gloriam, свѣдѣнія о данныхъ и ходѣ процесса; прославляя своихъ запятнанныхъ героевъ, съ неистовыми криками выручая слугъ кагала и забавляясь надъ еврейскими супостатами, ихъ знаменами и девизами, ихъ совѣстью и работою.

Результаты-же въ этомъ страшномъ омутѣ печатнаго слова, гдѣ, къ нашему глубокому несчастію, Евреи устроили себѣ безграничный притонъ, тѣмъ возмутительнѣе, что здѣсь они дѣйствительно умѣютъ „хватать змѣю ужими руками".

Вотъ почему безусловно правъ основатель сіонизма Герцль („Еврейское государство"), когда онъ утверждаетъ, что не только народы, среди которыхъ проживаютъ Евреи, всѣ вмѣстѣ и каждый порознь, явные и скрытые *антисемиты*, но что „еврейскій вопросъ существуетъ повсюду, куда Евреи проникаютъ въ замѣтномъ количествѣ" и что, наконецъ, „еврейскіе переселенцы сами-же заносятъ въ страну *антисемитизмъ*".

Что-же касается „сіонизма", то его полная несостоятельность, какъ замысла о политической независимости Евреевъ, *очевидна* и, значитъ, не въ этомъ лежатъ его задачи. Сіонизмъ, съ одной стороны, есть лукавое видоизмѣненіе централизаціи еврейскихъ силъ примѣнительно къ демократической тенденціи вѣка—въ видахъ лучшаго маневрированія ими на радость Израилю, а съ другой, это революція въ самомъ еврействѣ противъ застарѣлыхъ формъ талмудической *плутократіи* съ цѣлью дальнѣйшаго развитія его могущества.

Ни то, ни другое, разумѣется, не обѣщаетъ остальнымъ народамъ ничего добраго.

По изложеннымъ основаніямъ, надлежитъ, въ резолютивномъ выводѣ, согласиться съ тѣмъ, что „бунтъ" Евреевъ въ Гомелѣ, если и былъ связанъ съ погромомъ въ Кишиневѣ, то развѣ какъ съ одною изъ подтасованныхъ Евреями-же причинъ. Важнѣйшіе-же и дѣйствительные мотивы находятся въ *человѣко-ненавистничествѣ* этого народа и его наклонности къ тиранніи, равно какъ въ суровыхъ указаніяхъ исторіи о его характерѣ вообще.

Г. Оцѣнка событій 1 сентября, какъ основанія къ обвиненію Христіанъ.— Заключеніе.

Возвращаясь къ обстоятельствамъ дѣла, мы не можемъ еще разъ не остановиться на событіяхъ 1 сентября, лишь теперь достаточно освѣщенныхъ по вопросу о виновности *Христіанъ*. Это тѣмъ необходимѣе, что всѣмъ предыдущимъ почти не была затронута столь важная сторона вопроса, какъ распоряженія гомельскаго полицеймейстера. Конечно, мы не въ правѣ судить объ этихъ дѣйствіяхъ съ точки зрѣнія отвѣтственности г. Раевскаго. Но, поскольку они касаются *участи подсудимыхъ*, т.-е. степени ихъ виновности, защита не только въ правѣ, а и *обязана*, въ предѣлахъ судебнаго слѣдствія, изложить предъ Особымъ Присутствіемъ свои доводы и соображенія.

Для полноты идеи о 29 августа (слѣдовательно, для яснаго уразумѣнія событій 1 сентября) припомнимъ изъ показаній свидѣтелей еще лишь нѣкоторые характерные факты: „Жиды Русскихъ *рѣжутъ*", кричали спасавшіеся крестьяне (Бржозовскій). „Тикайте по домамъ, а то жиды васъ всѣхъ побьютъ", совѣтовалъ Христіанамъ полицейскій надзиратель (Казаченковъ). „Ну, ничего,—*у насъ весь народъ вооруженъ*", сказалъ Еврей въ отвѣтъ на сообщеніе о погромѣ на базарѣ (Будницкій). Въ этотъ день (30-го августа), уже говорили, что „*Евреи побили Русскихъ*" (Раевскій).

„Евреи свистали, какъ городовые“ (Сорокинъ). „Убьемъ сперва офицера“ (пор. Пенскаго) кричали Евреи (Пенскій), а на вопросъ Рудзіевскаго—„за что?“ изъ еврейской толпы объяснили: „онъ послалъ за ротою и въ насъ будутъ стрѣлять“ (Рудзіевскій). Пробѣгая по Гостиному двору, одинъ изъ Евреевъ хвастался—„вотъ у меня какой кинжалъ“ и показывалъ его (Степанцовъ). „*Бей солдатъ*!“ (шедшихъ безъ оружія въ баню) закричали изъ огромной толпы Евреевъ (Шайковъ). „Пойдемъ подъ ворота (дома Шнеерова), *оттуда удобнѣе бить*“, восклицали, уходя туда, Евреи и затѣмъ осыпали камнями городовыхъ (Бржозовскій). „Бей Русскихъ!“ кричали Евреи 29 августа (Θедоръ Бондаренко). Трофима Козырева Еврей ранилъ ножомъ въ щеку (быть-можетъ, промахнувшись ударомъ въ шею). „Чуть что случится, Евреевъ собирается *масса*, и неизвѣстно, откуда они берутся“ (капит. Трезвинскій). „Жиды шли, какъ темная хмара“ (туча), „земли не было видно“, говорятъ другіе свидѣтели. „Безпорядки 29 августа, безусловно, были *подготовлены Евреями*“ (Самсоновъ и мн. др.). „Закрывайте лавки, берите что попало и *бейте Русскихъ*“, командывалъ Іосель Коммъ, номерной изъ гостинницы „Континентъ“ (Мальцовъ). „Евреи *свирѣпѣли* за *Кишиневскій* погромъ“ (Ковалевъ). „Мы не боимся, *у насъ всѣ мобилизованы*“ сказалъ Еврей Старобринскій Мольскому (Еленскій). „Евреи сами, все время, говорили о возможности погрома въ Гомелѣ, и если-бы не событія 29 августа, никакого погрома не было-бы“ (жанд. вахм. Леоновъ и др.). Еврей Носоводовъ сообщилъ Адамову и Никонову: „вотъ васъ скоро будутъ бить“, а на вопросъ „кто?“, объяснилъ:—„*Евреи*“ и добавилъ „*у нихъ теперь однихъ револьверовъ тысячъ 15!*“.. „Погромъ можетъ быть и черезъ вашихъ *демократовъ* (такъ называютъ въ Гомелѣ Евреевъ за распространеніе и печатаніе соціалъ-демократическихъ прокламацій). „У васъ демократы“, заявилъ даже полицеймейстеръ Раевскій раввину Маянцу, который отвѣчалъ лишь: „Не знаю, что я могъ сдѣлать. Мои что-ли демократы были?“ (показаніе раввина Маянца въ засѣданіи Особаго Присутствія 19 ноября 1903 г.). Капитанъ Корниловъ, по требованію полиціи, явился 29 августа съ ротою на Базарную площадь, гдѣ стояла громадная толпа Евреевъ, приблизительно до 5000; разсѣявъ Евреевъ, онъ забралъ и тѣхъ изъ нихъ, которые были раньше задержаны во дворѣ дома Шнеерова. Подтверждая это, капитанъ Ушаковъ добавилъ, что самъ видѣлъ раненыхъ крестьянъ съ обвязанною головою, а когда его рота стала выстраиваться, то вся толпа Евреевъ, съ криками „*ура*!“, бросилась по разнымъ улицамъ.

Нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что, будучи само кругомъ виновато и опасаясь возмездія за 29 августа, еврейство обратилось къ полицеймейстеру съ просьбою о принятіи мѣръ. Это обыкновенный еврейскій пріемъ.— Perfidia plus quam punica!.. Однако, почти всѣ указанія судебнаго слѣдствія сходятся къ заключенію, что мѣры не отличались цѣлесообразностью, а, по мнѣнію нѣкоторыхъ, привели даже къ *обратному* результату.

Какъ удостовѣрилъ исправникъ Еленскій, и къ нему обращался поли-

цеймейстеръ Раевскій съ просьбою „озаботиться въ свою очередь“, потому что подгородные крестьяне собираются идти на Гомель *походомъ*.

Оказалось, что никакого похода не предстоитъ. Тѣмъ не менѣе, фактъ не теряетъ смысла, а наоборотъ, свидѣтельствуетъ, что, послѣ 29 августа, среди гомельскаго еврейства было опасеніе возмездія, иначе говоря, въ этотъ день, пострадали *крестьяне*, а не Евреи. Тотъ-же фактъ, съ другой стороны, доказываетъ, что и на 1 сентября Христіанами еврейскій погромъ *не предполагался*.

Независимо отъ сего, трудно позабыть, что показанія г. Раевскаго *существенно разнствуютъ* и отъ другихъ вполнѣ достовѣрныхъ показаній, а именно: лицъ, завѣдывающихъ желѣзнодорожными мастерскими Ляхова и Котельникова, равно какъ—капитана Горсткина и прочихъ офицеровъ, командовавшихъ ротами Абхазскаго полка; жандармскихъ офицеровъ Дудкина и Колоколова и, наконецъ, даже полицейскихъ чиновъ Бржозовскаго, Чернолусскаго, Казанскаго и др.

Сущность этихъ показаній сводится къ тому, что полицеймейстеръ относительно Евреевъ *бездѣйствовалъ*, а къ Христіанамъ, наоборотъ, готовъ былъ примѣнять и *ружейные залпы*,—безъ сомнѣнія, преждевременно. Въ частности, свидѣтель Еврей Абрамъ Боровой подтвердилъ, что рабочіе не трогали еврейскихъ домовъ, пока не встрѣтились съ полицеймейстеромъ.

Если допустить за симъ, что, вопреки свѣдѣніямъ всѣхъ названныхъ лицъ объ отсутствіи какихъ-либо указаній на предстоящіе безпорядки, вѣрно лишь сообщеніе, полученное г. Раевскимъ, что погромъ назначенъ 1 сентября, *въ 6 часовъ вечера*, то и тогда непонятенъ призывъ г. Раевскимъ полутора баталліоновъ пѣхоты *уже къ полудню* того-же числа, да еще чуть-ли не по тревогѣ. Изъ двухъ ротъ у вокзала (Горсткина и Сергѣева) первая, вмѣсто стихійной силы громилъ, которая предполагалась, встрѣтила старика Соловьева, изгоняемаго полицеймейстеромъ по подозрѣнію въ умыслѣ на погромъ, и не болѣе 20 рабочихъ, просившихъ, чтобы ихъ отпустили на обѣдъ, а вторая огромную толпу Евреевъ, буйствовавшую, стрѣлявшую и даже начавшую ругать самого капитана Сергѣева. Что-же касается другихъ ротъ—капитановъ Архарова, Трезвинскаго, Цельсова и Ушакова, то всѣ они, равнымъ образомъ, оказались вынужденными принимать, сперва, мѣры противъ буйства, нападенія камнями и палками и револьверной стрѣльбы, чинимыхъ *еврейскими* скопищами, по нѣскольку сотъ человѣкъ въ каждомъ. Между прочимъ, одинъ Еврей выстрѣлилъ въ солдата роты капитана Цельсова, но не попалъ, потому что какой-то мужичокъ, передъ строемъ крикнулъ: „землякъ, въ тебя стрѣляютъ!“. Въ ефрейтора-же Дзяковича стрѣляла, какъ извѣстно, даже Еврейка Хана Кацъ и, обращаясь къ Евреямъ, кричала: „ребята, за мной!“

Характернымъ-же, въ особенности, является почти полное *разнорѣчіе* г. Раевскаго съ истиннымъ джентльменомъ, капитаномъ Горсткинымъ, котораго вы, Гг. Судьи, безъ сомнѣнія, помните. Прежде, чѣмъ явиться въ

Особое Присутствіе, капитанъ, во избѣжаніе ошибки, взялъ съ собою нѣсколько „солдатиковъ“ своей роты и съ ними обошелъ вновь тотъ районъ города, гдѣ 1 сентября проходилъ съ г. Раевскимъ. Давая здѣсь обстоятельное показаніе, капитанъ Горсткинъ, въ заключеніе, объяснилъ, что, находясь въ распоряженіи полицеймейстера съ 12 до 4 часовъ дня, никакихъ, однако, указаній отъ него не получалъ и усмирять погромъ случая не имѣлъ, а за симъ, по приказу своего начальства, отвелъ роту въ казарму.

На ряду съ этимъ, мы знаемъ, что, по требованію Раевскаго, у вокзала другая рота *не пропускала рабочихъ обѣдать*, вызывая справедливыя жалобы съ ихъ стороны. Между тѣмъ, какъ удостовѣрилъ жандармскій ротмистръ Дудкинъ, рабочіе, выходя изъ мастерскихъ безъ шума, отнюдь не всѣ стремились на вокзальную площадку, а, какъ обыкновенно, расходились по своимъ квартирамъ, въ разныя стороны. Предыдущее настроеніе рабочихъ было также спокойнымъ и на погромъ не указывало (Ляховъ, Котельниковъ, Казанскій и др.).

Евреи-же, наоборотъ, какъ слышалъ жандармскій вахмистръ Леоновъ, разбирали оружіе изъ магазина Мнухина еще 30 августа, а 1 сентября, желая предупредить нападеніе Русскихъ, какъ наблюдалъ тотъ-же Леоновъ и другіе, упорно, цѣлыми толпами, *стремились сами напасть на нихъ*.

Параллельно съ этимъ, изъ показанія рабочаго Шкетта, мы знаемъ, что приставъ говорилъ ему и его товарищамъ: „не идите въ городъ,—тамъ Евреи бьютъ и рѣжутъ Русскихъ; если желаете быть живы—не ходите обѣдать“.

Весьма знаменателенъ, далѣе, фактъ, что ни 29 августа, ни 1 сентября, мы не встрѣчаемъ *ни одного* требованія полицеймейстера употребить оружіе даже противъ тысячныхъ скопищъ *Евреевъ*, стрѣлявшихъ по разнымъ улицамъ г. Гомеля въ полицію и войско. Это, наконецъ, возмутило капитана Архарова, когда буйствовавшая *еврейская* толпа начала стрѣлять и по его ротѣ.—„Что-же это такое!?“,—воскликнулъ капитанъ—„тамъ ранили двухъ солдатъ камнями, а теперь стрѣляютъ“, и, уже по собственной иниціативѣ, далъ въ Евреевъ залпъ. Такая мѣра являлась тѣмъ болѣе справедливою, что еще раньше былъ сдѣланъ залпъ въ русскихъ громилъ, хотя они ни разу не позволили себѣ напасть на солдатъ или что-либо кинуть. *Еврейская*-же толпа, раньше выстрѣловъ, *осыпала роту капитана Архарова камнями*, при чемъ двое солдатъ, дѣйствительно, были ранены,—изъ нихъ одинъ тяжело. Предупредивъ толпу, что если это повторится, то онъ не оставитъ нападающихъ Евреевъ живыми, капитанъ Архаровъ увѣдомилъ полицеймейстера, но сей послѣдній все-таки *не далъ приказа стрѣлять*. Что-же касается буйствовавшей толпы Русскихъ, то г. Раевскій потребовалъ стрѣльбы въ нее. Капитанъ предложилъ сначала уговорить буяновъ, но, не слушая г. Раевскаго, они кричали: „ты жидовскій батько, ты насъ продалъ“. Когда-же Архаровъ пригрозилъ, что будетъ дѣйствовать оружіемъ, то многіе, разорвавъ рубашки, обнажили свою грудь и закричали: „лучше умремъ отъ русскихъ штыковъ, чѣмъ отъ жидовскихъ ножей!...“

Находясь въ составѣ первой роты, поручикъ Хохловъ старался разсѣять толпу Евреевъ и не позволить имъ отнять уже арестованнаго Еврея, который палкою ударилъ Русскаго,—къ чему Евреи дерзко стремились; Русскіе-же называли Раевскаго „жидовскимъ батькою, продавшимъ ихъ Евреямъ". Въ отвѣтъ на это г. Раевскій просилъ Хохлова стрѣлять; но такъ какъ толпа Русскихъ стояла смирно и ни на кого не нападала, то поручикъ Хохловъ не рѣшился исполнить просьбу. Впрочемъ, это было достигнуто въ другомъ мѣстѣ, когда на многократныя приказанія полицеймейстера разойтись, толпа отвѣчала смѣхомъ и ругательствами. По новой просьбѣ г. Раевскаго стрѣлять, капитанъ Корниловъ сперва скомандовалъ залпъ въ землю, а затѣмъ и въ толпу Русскихъ, гдѣ оказались двое раненыхъ.

Все изложенное крайне печально и, по всей вѣроятности, могло быть избѣгнуто, если-бы, напримѣръ, полицеймейстеръ распоряжался не лично, а черезъ своихъ подчиненныхъ, избѣгая возбуждать русское населеніе уже однимъ своимъ присутствіемъ.

„Хозяевами-же положенія въ Гомелѣ были всегда Евреи",—удостовѣрилъ командиръ 4 роты Абхазскаго полка, капитанъ Топчевскій, въ полной гармоніи со всѣми другими по дѣлу доказательствами.

Причины этого опредѣляются, конечно, не одною дѣятельностью г. Раевскаго, какова-бы она ни была, а лежатъ далеко за предѣлами Гомеля. Съ другой стороны, не входитъ въ сферу защиты Христіанъ развивать то или иное убѣжденіе о мѣропріятіяхъ гомельскаго полицеймейстера внѣ событій 29 августа и 1 сентября. Мы согласны признать безразличнымъ даже то обстоятельство, что г. Раевскій, на пути судебнаго слѣдствія, являлся однимъ изъ *главныхъ* свидѣтелей, къ которымъ обращались повѣренные Евреевъ-гражданскихъ истцовъ и защитники Евреевъ въ дополненіе или въ опроверженіе другихъ свидѣтелей, а въ особенности,—для повѣрки показанія ротмистра Дудкина, который, по нашей просьбѣ и распоряженію г. Предсѣдателя Особаго Присутствія, былъ допрошенъ именно въ отсутствіи г. Раевскаго. Но мы не можемъ не печаловаться на совершенно напрасное и, при данныхъ условіяхъ, крайне стѣснительное, а потому явно опасное запрещеніе рабочимъ идти въ городъ обѣдать.

Равнымъ образомъ, затруднительно понять, ради чего собственно направлялись г. Раевскимъ столь обширныя полицейскія и военныя мѣры на горсть рабочихъ, имъ-же задержанныхъ у вокзальной площадки, когда они мирно шли по домамъ. Не вразумительно и вообще его отношеніе къ последующимъ, все-же незначительнымъ группамъ Христіанъ, ничѣмъ не вооруженнымъ и никѣмъ не командуемымъ,—на ряду съ его-же бездѣятельностью предъ обширными, дерзновенными, организованными и стрѣляющими даже въ войска, скопищами Евреевъ.

Наконецъ, глубоко досадно, что г. Раевскій не избѣжалъ произнесенія, въ своемъ присутствіи, тѣхъ отзывовъ по его адресу, которые, уже сами по себѣ, подрывали его авторитетъ и, слѣдовательно, вредили его серьезной задачѣ, подливая лишь масла въ огонь...

Куда-бы ни появлялся онъ, въ разныхъ концахъ города, русское население, какъ удостовѣряютъ свидѣтели, встрѣчало г. Раевскаго одинаково: „Жидовскій батько!" (свид. Вощилинъ). „Ты защитникъ жидовскій, хабарникъ!" (свид. городовой Воробьевъ). „Ты жидовскій батько, выгналъ насъ изъ города; Евреевъ распустилъ, демократовъ развелъ!" (свид. фельдфебель Карчихинъ). „Ты продалъ насъ жидамъ!" (свидѣтель капитанъ Цельсовъ) и т. д.

А въ то-же время оставленныхъ безъ обѣда рабочихъ и другихъ безоружныхъ Христіанъ многотысячныя толпы Евреевъ невозбранно избивали чѣмъ попало и обстрѣливали изъ револьверовъ.

Правда,—въ отвѣтъ на возгласы народа, г. полицеймейстеръ пытался отвѣчать залпами. Но если не во имя собственнаго достоинства, то ради сохраненія общественнаго порядка, г. Раевскому слѣдовало дѣйствовать не на результаты, а на ихъ причину. Успокоить-же христіанское населеніе разумѣется, было возможно, но лишь не возмущая его сызнова. Простѣйшій къ этому путь лежалъ, конечно, не въ стрѣльбѣ залпами, предназначенной не въ отмщеніе за г. Раевскаго, а въ удаленіи его самого, по крайней мѣрѣ, съ глазъ имъ-же возбуждаемаго населенія.

Увы, этого не послѣдовало, и здѣсь, по справедливости, нельзя не видѣть объясненія всего дальнѣйшаго.

Русскіе, говоритъ свидѣтель Муравьевъ (какъ, впрочемъ, это явствуетъ изъ всей совокупности данныхъ судебнаго слѣдствія) *разсердились и пошли громить жилища Евреевъ.*

Такова сущность дѣла.

По моему крайнему разумѣнію, изъ всего изложеннаго проистекаютъ слѣдующіе выводы:

А. Инкриминируемыя подсудимымъ-Христіанамъ дѣянія 1 сентября 1903 г. явились послѣдствіемъ не прямо событій 29 августа, а лишь посредственно въ виду:

1) нападеній камнями, палками и кистенями, а также стрѣльбы изъ револьверовъ со стороны еврейскихъ скопищъ того же 1 сентября и 2)— преждевременныхъ, обидныхъ и крайнихъ мѣръ, направленныхъ гомельскимъ полицеймейстеромъ Раевскимъ на мѣстное христіанское населеніе, первоначально не производившее никакихъ безпорядковъ.

Б. Событія 29 августа и 1 сентября были задуманы, подготовлены и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ. обращены гомельскимъ еврействомъ къ исполненію въ намѣреніи показать, что „равноправіе" должно быть дано Евреямъ безотлагательно.

В. Такъ какъ несообразность права на „самозащиту", котораго требовали Евреи, находясь въ большинствѣ, будучи вооружены и не подвергаясь никакому нападенію, очевидна, то и хорошо, что имъ не позволили защищаться, ибо, въ противномъ случаѣ, пришлось-бы защищать уже самихъ Евреевъ отъ потерявшаго терпѣніе христіанскаго населенія, которое, отнявъ у нихъ оружіе, несомнѣнно стало бы наказывать ихъ за многое, въ томъ числѣ и за „издѣлія демократовъ."

Г. Всякій погромъ, прежде всего, гибеленъ для угнетаемаго Евреями христіанскаго населенія. Какъ самосудъ — онъ безсмысленъ, а какъ возмездіе — безцѣленъ, и объясняется жалкою безпомощностью того-же населенія въ защитѣ отъ Евреевъ, достаточно обнаруженною предъ Особымъ Присутствіемъ Судебной Палаты и по настоящему дѣлу.

Д. Есть разница въ винѣ подсудимыхъ Христіанъ и Евреевъ, если и допустить примѣненіе статьи 269^1 Улож. о наказаніяхъ ко всѣмъ имъ безразлично. Шкловъ, Минскъ и Гомель таковы имена, громко свидѣтельствующія о дерзновеніи Евреевъ. Простому русскому человѣку ничто подобное въ голову не приходитъ.

Е. Для примѣненія ст. 269^1 Улож. о наказаніяхъ къ подсудимымъ-Христіанамъ нѣтъ основаній. По меньшей мѣрѣ, вопросъ сомнителенъ. Посему было-бы справедливѣе руководствоваться ст. 38 Уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями.

Въ заключеніе, на память объ исторической важности этого дѣла, слѣдуетъ резюмировать его въ картинѣ, по возможности, не забываемой.

Постараемся-же дать такую картину.

На островѣ Борнео есть султанъ. Онъ непочтителенъ къ „просвѣщеннымъ мореплавателямъ“. Не желая ихъ видѣть, онъ объявилъ имъ: „потрудитесь ко мнѣ не являться, иначе я принесу васъ въ жертву удавамъ“.

— Удавы-же султана породистые.

Мореплаватели не послушались. Трое изъ нихъ снова проникли въ запретную страну. Тогда султанъ исполнилъ свое обѣщаніе.

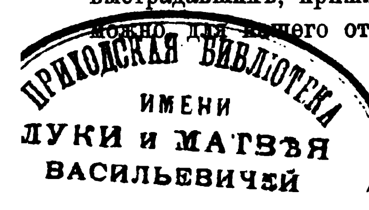
Предъ нами дремучій, тропическій лѣсъ. На каждомъ изъ трехъ гигантскихъ деревьевъ туземцы, высоко и крѣпко привязали по одному англичанину.

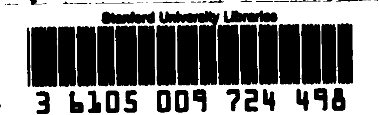
Къ первому удавъ еще только спускается. Тяжело, говорятъ, умирать— но каково-же ожиданіе смерти отъ змѣи... Подумаемъ объ этомъ, и мы поймемъ ужасъ, леденящій перваго англичанина?!...

Второго колоссальный удавъ уже охватилъ и сжалъ своими неумолимыми кольцами. Мускулы, самыя кости жертвы трещатъ. Напрягая послѣднія искры силы, несчастный, однако, пытается замедлить роковую участь свою. Обѣими руками, предъ собственнымъ лицомъ, едва удерживаетъ онъ разверстую змѣиную пасть. Но и эти грозныя мгновенья отравлены необходимостью для жертвы смотрѣть удаву прямо въ глаза!...

Третьему страшнѣйшій изъ всѣхъ удавовъ уже раздираетъ шею, изъ которой ключомъ бьетъ кровь, но вы еще видите какъ содрагаются фибры молодаго организма, за минуту передъ тѣмъ столь полнаго жизни и отваги...

Мы, защитники этихъ наивныхъ піонеровъ возстанія противъ смертоносной іудейской тиранніи,—безхитростныхъ, бѣдныхъ людей, уже столько выстрадавшихъ, пришли умолять васъ, гг. судьи: не ускоряйте, если возможно, для нашего отечества судьбы третьяго англичанина!...

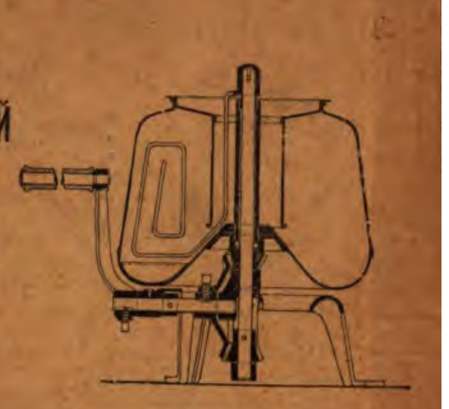

Stanford University Libraries
3 6105 009 724 498

Маслобойки системы „ПЕРФЕКТЪ“.

Главные представители: Русское Акціонерное Общество „Пахарь“.
ПРАВЛЕНІЕ: Скатертный пер., д. Муромцева, въ Москвѣ.

Рис. 1 (наружн. видъ.)

НАГРАЖДЕНЫ
ВЫСШЕЙ НАГРАДОЙ
ЗА ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ
МАСЛОБОЙКИ НА 39-й
АУКЦІОННОЙ ВЫСТАВКѢ
ВЪ МОСКВѢ.

Рис. 2 (разрѣзъ.)

аллическія маслобойки системы „ПЕРФЕКТЪ“ отличаются своей простой конструкціе
авленная въ маслобойку изогнутая пластинка-крыло (см. рис. 2) вращается въ прот
оложную сторону сосуда, чѣмъ достигается энергичное сбиваніе сливокъ. Такъ как
шку маслобойки **„ПЕРФЕКТЪ“**, благодаря устройству крыла, можно было снабдит
нкой, то маслобойка при работѣ не брызжетъ, несмотря на то, что имѣется во
можность контролировать сбиваніе во время хода.

Металлическія маслобойки „ПЕРФЕКТЪ“.

егко чистить. 2) Онѣ не разсыхаются. 3) Удобны въ небольшихъ молочныхъ и домашнемъ хозяйств

Цѣны и размѣры маслобоекъ.

сбиваетъ	10	бут.	за	разъ	Руб.	12.50
„	20	„	„		„	18.—
„	30	„	„		„	22.50
№ 3 сбиваетъ	40	бут.	за	разъ	Руб.	26.—
№ 4 „	50	„	„		„	30.—

Маслобойки „ЛЕФЕЛЬДА“ (горизонтальныя).

Маслобойки „ВИКТОРІЯ“ (вертикальныя).

Н. Никольскій

3 (въ деревянномъ штативѣ, на роликахъ.)

им.: 4 вед.	сбив за разъ до	$1^1/_3$ вед.	Руб.	15.—
6 „	„ „ „	2 „	„	20.—
10 „	„ „ „	$3^1/_2$ „	„	27.—
15 „	„ „ „	5 „	„	34.—
21 „	„ „ „	7 „	„	40.—
27 „	„ „ „	9 „	„	45.—

Рис. 4 (на чугунной подставкѣ.)

Вмѣстим.: 4 вед.	сбив. за разъ до	$1^1/_3$ вед.	Руб.	20.—
„ 6 „	„ „ „	2 „	„	25.—
„ 10 „	„ „ „	$3^1/_2$ „	„	30.—
„ 15 „	„ „ „	5 „	„	40.—
„ 21 „	„ „ „	7 „	„	48.—
„ 27 „	„ „ „	9 „	„	50.—